

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Тройные
хлопоты

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Тройные хлопоты

«Азбука-Аттикус»

1949

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Тройные хлопоты / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1949 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19193-8

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. К Вулфу обращается гангстер Перрит, желающий уберечь свою дочь от возможного шантажа, связанного с его деятельностью. Однако насильственная смерть Перрита вносит в дело свои коррективы... Визитер показывает Вулфу анонимное письмо с угрозой. На следующий день этого посетителя убивают, а Вулф получает аналогичное письмо и принимает меры для собственной безопасности, которые сбивают с толку даже Гудвина.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19193-8

© Стаут Р. Т., 1949
© Азбука-Аттикус, 1949

Содержание

Прежде чем я умру	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рекс Стаут

Тройные хлопоты

Rex Stout

TROUBLE IN TRIPLICATE

Copyright © 1949 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Никиты Вуля

© Н. А. Вуль, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Прежде чем я умру

Глава 1

Тем октябрьским днем в понедельник сидеть взаперти мне было совершенно невыносимо. Говоря «взаперти», я имею в виду кабинет Ниро Вулфа на первом этаже его дома на Тридцать пятой улице неподалеку от Гудзона. Впрочем, я знал, что вскоре смогу перевести дух. Каждый день, с четырех до шести вечера, Ниро Вулф возился с орхидеями в оранжерее под крышей. С другой стороны, до четырех оставалось еще полчаса, а меня от Вулфа уже мутило.

Я чувствовал, что сыт Ниро Вулфом по горло, но в моем раздражении не было его вины. Это было время так называемого великого дефицита мяса: миллионы свиней и бычков, к великому сожалению производителей и мясников, незаметно скрылись и спрятались, желая продать свою жизнь подороже. А Ниро Вулф трапезу без мяса воспринимал не иначе как личное оскорбление. Он пребывал в столь отвратном настроении, что я, поддавшись порыву, предложил ему сожрать меня и успокоиться. Лучше бы я промолчал. К середине дня Вулф дошел до такого отчаяния, что стал совершать длительные пешие прогулки – от своего кресла к книжным полкам. Порой он даже удалялся в гостиную, выходявшую окнами на Тридцать пятую улицу.

Итак, в половине четвертого я заявил Вулфу, что должен выйти по делам. Поглощенный своими страданиями, он даже не спросил, по каким делам я собираюсь отлучиться. В тот самый момент, когда я потянулся за шляпой, болтавшейся на вешалке в прихожей, в дверь позвонили. Оставив шляпу в покое, я подошел к двери и открыл ее. И то, что я увидел, заставило меня забыть о ворчании Ниро Вулфа. С первой же минуты мне стало ясно, что за человек стоит передо мной. Хотя день выдался солнечным, незнакомец был одет в тугу подпоясанный плащ. Черная фетровая шляпа была ему мала и смотрелась нелепо. Но больше всего меня поразили его светло-серые глаза: они были открыты, хотя посетитель напоминал забальзамированного покойника. Наверное, именно так он будет выглядеть, когда испустит последний вздох и окажется в гробу.

– Тебя зовут Гудвин, – не слишком вежливо сообщил он мне с каменным выражением лица.

– Спасибо, что напомнили, – поблагодарил я. – Может, заодно скажете, сколько я вешу? Однако оказалось, что посетитель настроен серьезно.

– Выходи. – Он ткнул большим пальцем куда-то себе за спину. – Там в машине сидит человек. Он хочет тебя видеть.

Я немного подождал. С одной стороны, я надеялся услышать, кто хочет меня видеть, а с другой – желал показать, что не ору от ужаса и не палю из пистолета при виде незнакомца с забальзамированным лицом, который обшаривает карман в поисках пачки сигарет. За долгую карьеру частного детектива Ниро Вулф успел нажить себе немало врагов. А поскольку я сотрудничал с ним уже больше десяти лет, часть его недругов, что вполне естественно, и ко мне не испытывала симпатии. Велев незнакомцу немного подождать, я закрыл дверь, вернулся в кабинет, подошел к своему столу, выдвинул ящик, взял пистолет и, сунув его в карман пальто, двинулся к двери, держа руку в кармане.

– Что случилось? – раздраженно бросил Вулф мне вслед. – Мышь увидел?

– Нет, сэр, – спокойно ответил я. – Меня попросили выйти на улицу и подойти к человеку в машине. Она припаркована у тротуара. Человека в машине я узнал. Это Дейзи Перрит. Поскольку он один из самых известных жителей нашего города, то, полагаю, вы о нем слышали.

В последнее время его называют королем черного рынка. Быть может, он, в отличие от вас, считает, что я вполне сгложусь на мясо.

С этими словами я вышел. Оказавшись на крыльце и услышав, как за мной закрылась дверь и щелкнул замок, я вытащил пистолет из кармана пальто, чтобы показать его забальзамированному, а затем сунул обратно, спустился по ступенькам и подошел к машине – большому черному седану. Сидевший в салоне человек опустил стекло.

– У него в кармане ствол, – раздался голос из-за моего правого плеча.

– В таком случае он чертовски глуп, – отозвался мужчина в машине. – Ему не стоило оставлять тебя за спиной.

– Угу. – Я посмотрел на Дейзи Перрита. Сейчас все зависело от того, как пойдет разговор. – Мистер Вулф знает о том, что вы приехали. Чего вы хотите?

– Я хочу с ним встретиться.

– Не получится, – покачал я головой.

На стоявшего позади меня незнакомца я не обращал внимания. Я впервые видел Дейзи Перрита вблизи. Подавляющее большинство людей сочло бы его толстяком, но для меня, привыкшего к габаритам Ниро Вулфа, он был всего лишь слегка полноват. Его лицо, гладкое и розовое от чрезмерно тщательного бритья, казалось слишком большим для такого носа и рта, однако в первую очередь привлекали внимание темные глаза. В них легко читалось, сколько дел Дейзи Перрит успел натворить за свою жизнь и на что он готов в дальнейшем.

– Не получится, – повторил я. – Как я уже сказал, когда вы звонили сегодня утром, мистер Вулф очень занят и не сможет вас принять. У него сейчас и так полно дел. Он еле с ними справляется.

– Я желаю его видеть. Так ему и передай. Иди.

– Слушайте, мистер, – наклонившись, я облокотился на машину, – не думайте, что я сейчас шучу. Я прекрасно знаю: те, кто с вами шутит, быстро оказываются на кладбище. Но и просить вас о чем-либо я не намерен. Не важно, что вы задумали и почему так уперлись. Мистер Вулф не желает иметь с вами никакого дела. Возможно, это вас обидит, что очень печально. Видит Бог, я этого не хочу. Однако поверьте: вы обидитесь куда сильнее, если выложите мистеру Вулфу наболевшее, а он откажется вам помочь. В итоге дело закончится очень плохо – либо для вас, либо для него. Поэтому не надо считать, что...

– Арчи! – проревел голос сзади и справа.

Я выпрямился, обернулся и увидел, как Вулф наполовину высунулся из крайнего окна гостиной, заполнив своей тушей всю раму.

– Что нужно мистеру Перриту? – громыхнул он.

– Ничего! – крикнул я в ответ. – Он просто проезжал мимо и остановился, чтобы...

– Он хочет вас видеть, – перебил меня охранник Перрита.

– Тогда чего ты тянешь, Арчи? Веди его сюда!

– Но я...

– Я сказал: веди его сюда!

Вулф скрылся в комнате, с грохотом захлопнув за собой окно. Забальзамированный настороженно огляделся по сторонам, обошел меня и открыл дверь машины, после чего Дейзи Перрит выбрался наружу.

Глава 2

Похоже, на самом деле я знал о королях преступного мира куда меньше, чем полагал. Я искренне верил, что охранник должен везде следовать за боссом и постоянно быть начеку, ожидая нападения в любую минуту. Однако, вопреки моим ожиданиям, Дейзи Перрит велел забальзамированному остаться возле машины, после чего отправился со мной в дом. Переступив порог кабинета, он сделал два шага и остановился, окинув помещение взглядом. Возможно, он поступил так в силу привычки, словно отставной генерал, который, приехав играть в гольф на незнакомое поле, автоматически выбирает место, где расположил бы артиллерию или спрятал в засаде танки. Я прошел мимо него и сел за свой стол, напомним себе, что нельзя недооценивать противника только потому, что он на шесть дюймов ниже меня. Я был слишком обижен на Вулфа и потому хранил молчание.

– Присаживайтесь, сэр, – любезно произнес Вулф.

Перрит закончил осмотр кабинета и вперил испытующий взгляд в Вулфа. Секунд через пять Дейзи немного раздраженно сказал:

– Мне здесь не нравится. Я к вам по личному делу. Выйдите и сядьте ко мне в машину.

Признаться, я весь напрягся, нисколько не сомневаясь, что Вулф сейчас нагрубит Дейзи Перриту, а грубить таким людям, как Дейзи, себе дороже. Однако я напрасно беспокоился.

– Любезный сэр, – располагаяще улыбнулся Вулф, – я редко выхожу из дому. Лично мне здесь нравится. Было бы глупо вставать из кресла, сделанного специально для меня на заказ...

– Ясно, я все понял, – нетерпеливо произнес Перрит и уставился на меня своими черными глазами. – Тогда ты иди на улицу и сядь ко мне в машину.

– Нет, сэр, – с напором в голосе произнес Вулф. – Это вы присаживайтесь. Красное кожаное кресло очень удобное. Мистер Гудвин помогает мне во всех делах. Даже если вы возьмете с меня слово никому не рассказывать о деле, с которым ко мне пожаловали, я моментально все выложу Гудвину, как только за вами закроется дверь.

– Иногда стоит делать исключения. Почему бы не начать с меня?

– Нет, сэр. – Вулф был вежлив, но неумолим. – Присаживайтесь, мистер Перрит. Даже если вы предпочтете не делиться со мной и мистером Гудвином вашими секретами, мне бы хотелось обсудить с вами небольшое дельце.

Перрит сдался. Он сделал три шага к красному кожаному креслу, стоявшему у стола Вулфа, устроился в нем и спросил:

– Что именно вы хотите обсудить?

– Ну-у-у... – Вулф чуть прикрыл глаза. – В своем деле я профессионал. Я торгую сведениями, даю советы и оказываю разные услуги. Нельзя сказать, что я тесно знаком с вашей деятельностью, однако знаю, что вы тоже профессионал, правда в другой области, отличной от моей. Допускаю, вы знаете, где находится то, что мне нужно, и как это достать. Я уважаемый и добропорядочный гражданин, и все же у меня, как и у любого другого человека, есть свои слабости. Где мне достать мясо?

– Вот вы о чем, – ледяным тоном произнес Перрит. – Давайте уточним, правильно ли я вас понял. Хотите долю от рэкета в мясном бизнесе?

– Нет, я просто хочу свинины или говядины. Я хочу мяса. Я его ем. Баранину. Телятину.

Вот оно что! Я посмотрел на своего босса с возмущением и брезгливостью. Похоже, он совсем потерял чувство меры. Ради какого-то антрекота встал из-за стола, дошел до гостиной, открыл окно и пригласил к себе в дом одного из самых опасных преступников.

– Ясно, – уже не столь ледяным тоном произнес Перрит. – Вы просто проголодались.

– Да.

– Печально. Я не мясник и мясную лавку не держу. Я вообще мясом не занимаюсь. Впрочем, кое-чем я все-таки смогу вам помочь... – Он замолчал, потом посмотрел на меня как на лакея. – С семи до десяти утра набери номер Линкольн шесть-три-два-три-два, попроси Тома и сошлись на меня.

– Спасибо, сэр. – Голос у Вулфа был сладким, словно леденец. – Я очень ценю вашу помощь. Теперь о вашем деле. Сегодня утром мистер Гудвин сказал вам по телефону, что я слишком занят и потому не смогу вас принять. Разумеется, это вздор. Отказал он вам вот по какой причине. Работа частного детектива сопряжена с определенным профессиональным риском, но ваш род деятельности, как, собственно, все, что имеет к вам отношение, куда более опасен. Таким образом, связавшись с вами, мы будем рисковать вдвойне, что весьма нежелательно. Именно так рассуждал мистер Гудвин. И я, к величайшему сожалению, вынужден с ним согласиться. С вашей стороны будет просто глупо делиться со мной секретами и в итоге услышать, что я ничем не могу вам помочь. Потому говорю вам это сразу и без обиняков. Прошу меня простить.

– Мне нужна помощь.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. В противном случае вы бы не...

– Я не так часто прошу о помощи. И когда наступает такой момент, я обращаюсь к лучшим из лучших. В данном случае я остановил свой выбор на вас. А за ценой я не постою. – Перрит извлек из внутреннего кармана аккуратно сложенную пачку банкнот, перетянутую резинкой, и кинул ее на стол Вулфу. – Пятьдесят сотенных. Пять штук. Для начала хватит. Меня шантажируют, и ваша задача – положить этому конец.

Выпучив глаза, я уставился на нашего гостя. Сама мысль о том, что Дейзи Перрита кто-то шантажирует, казалась мне совершенно абсурдной.

– Мистер Перрит, я же сказал вам...

– Меня шантажирует моя дочь. Об этом не знает ни одна живая душа, кроме меня. А теперь еще вас и вашего человека... Да, есть еще одна деталь. Очень личного характера. Я бы не поведал о ней и родной матери, если бы она все еще была жива, но мне нужна помощь. Моя дочь...

– Погодите!

Остановить Дейзи Перрита было непросто, но я не сидел сложа руки. Я вскочил со стула и встал перед ним.

– Хочу предупредить: мистер Вулф такой же упрямый, как и вы, – сказал я, глядя ему прямо в глаза. – Ситуация чертовски серьезная. Он ясно дал понять, что не желает вас слушать. Я тоже этого делать не намерен. – Я в ярости повернулся к Вулфу. – Господи боже, ну чем вас спагетти с сыром не устраивают?!

Взяв со стола пачку банкнот, я сунул их Перриту.

Он не обратил на нее внимания. Даже не посмотрел на меня.

– Вся соль заключается в следующем, – продолжил он, обращаясь к Вулфу. – Моя дочь – та, что меня шантажирует, – на самом деле мне никто. Теперь это знаете вы и вот он. Я сказал, что больше об этом не ведает ни одна живая душа в мире. Но это известно ей самой. И ей известно, что у меня есть настоящая дочь, которая родилась в тысяча девятьсот двадцать пятом, почти двадцать один год назад. В следующем месяце, восьмого ноября, моей родной дочери исполнится двадцать один. Я хочу дать вам и другое поручение, которое будет касаться ее. Ну, что скажете?

– Прошу меня простить, мистер Перрит.

Вулф обратил свой взгляд к настенным часам и грузно поднялся, опершись на стол. Он двинулся к двери, однако ему пришлось остановиться: Перрит преградил Вулфу путь.

– Куда вы собрались? – спросил наш гость, и по его тону мне сразу стало ясно: Перрита не устроит ни один из мыслимых вариантов ответа.

Я тоже встал, вытащив из кармана руку, в которой сжимал пистолет. Как это ни банально звучит, но я действовал инстинктивно, будучи уверен, что сейчас инстинкт меня не обманывает. Я был в курсе того, что творится в городе, и прекрасно знал, что до сих пор все мало-мальски серьезные споры с Дейзи Перритом решались с помощью оружия. Причем решал их либо сам Дейзи, либо кто-нибудь из его людей. Принимая во внимание все сказанное, я понимал: ничего хорошего нас не ждет, но при этом не сомневался, что пристрелю Дейзи, если он хоть пальцем тронет Вулфа.

– С четырех до шести я работаю в оранжерее наверху, – невозмутимо пояснил Вулф. – Всегда. Если вы все же хотите поведать вашу историю, расскажите ее мистеру Гудвину. Я позвоню вам сегодня вечером или завтра утром.

Конфликт был исчерпан. Вместо словесной дуэли состоялась дуэль взглядов, и Вулф победил. Перрит сдвинулся вправо, уступая дорогу. Вулф вышел, и мгновение спустя мы услышали, как он захлопнул за собой дверь лифта.

– Вы ненормальные. Оба, – буркнул Перрит, опустившись в кресло. – С чего это ты за пистолет схватился? Психи конченые!

Я положил оружие на стол и тяжело вздохнул:

– Итак, о чем вы хотели мне рассказать?

Глава 3

В какой-то момент мне показалось, что Дейзи Перрит не выдержит и пустит слезу. Это произошло, когда он начал рассказывать о своей настоящей дочери, которая училась в Колумбийском университете и считалась чуть ли не самой лучшей студенткой на всем курсе. Он так гордился ее успехами, что совершенно расчувствовался.

Приключившаяся с Дейзи история оказалась весьма незатейливой. Когда-то давно в Сент-Луисе он женился, и у него родилась дочь. На той же неделе случилось сразу три события: жена умерла, дочь едва не погибла, а сам Перрит загремел в тюрьму на три года за вооруженное ограбление. Дейзи предпочел не вдаваться в детали и рассказал о случившемся в самых общих словах. Одно я понял ясно: после 1945 года дела у него пошли в гору, он начал богатеть, вспомнил о дочери и отыскал ее где-то в штате Миссури. Дейзи не уточнил, каким образом она там оказалась, однако, чтобы ситуация стала мне понятной, разъяснил, что девушка не знает, кто ее отец. Она уверена, что Дейзи не более как поверенный ее отца, который очень богат, но при этом пока не объявляется, потому что намерен баллотироваться в президенты Соединенных Штатов.

– Поначалу все шло прекрасно, – с кислым видом произнес Дейзи. – Мы с ней виделись примерно раз в три месяца, я давал ей деньги... Много денег. Не представляешь, как я обрадовался, когда она решила поступать в Колумбийский университет. Ведь он же здесь, у нас. А потом Микер Большие Пальцы все испортил. Послал ко мне одного из своих ублюдков и передал через него, что, мол, если моей дочке нужна какая-нибудь помощь, он к ее услугам.

Прекрасно, просто прекрасно. Чудеснее не придумаешь. Мистер Микер получил кличку Большие Пальцы за то, что именно эту часть тела он отрезал тем, кто не проявлял особого желания делиться с ним нужной информацией. Еще один питекантроп, просто из другой пещеры. Я не желал иметь ничего общего с Дейзи Перритом, но еще меньше мне хотелось оказаться между ним и Микером. Молот и наковальня. Одна мысль о замаячивших перспективах могла вызвать язву.

Я стал слушать Перрита дальше. Что мне еще оставалось? Пристрелить его? Психологический момент для этого уже был упущен. Оказалось, что Микеру не удалось выследить дочь Дейзи, он просто узнал о ее существовании. Однако, по словам Перрита, на всем белом свете он боялся лишь одного: что кто-нибудь отыщет его дочь и расскажет о нем всю правду. Сам факт существования дочери испортил Дейзи всю жизнь.

– Дочь – мое слабое место, – признался он. – Когда речь заходит о ней, я не могу действовать привычными методами. Ты знаешь, что я жесток? Слышал об этом?

– Про вас такое говорят.

– Да, я жесток. Но жестоких много. Только у меня вдобавок есть мозги. Людей умнее себя я еще не встречал. Если бы жизнь сложилась иначе, я мог бы стать кем угодно. Пойми, когда речь заходит о дочери, у меня перестает работать башка. Сам посуди, сколько я тебе уже наговорил. Впрочем, это еще полбеды. Послушай, что я натворил в апреле прошлого года. Я снял пентхаус рядом с Пятой авеню и поселил там девушку под видом своей дочери. Я знал, что совершаю ошибку, но у меня словно выключило мозги, и я пошел на эту глупость.

Как пояснил Перрит, он это сделал, чтобы сбить со следа Микера и всех, кто попытается отыскать его дочь. Если станет известно, что дочь живет с ним в пентхаусе, поиски прекратятся и в университет никто даже носа не сунет. По идее придумано было здорово, и тайна Перрита должна была остаться тайной.

– Знаешь, что случилось потом? – поинтересовался Дейзи, и его глаза нехорошо сверкнули; если бы речь шла обо мне, то меня этот блеск в его глазах решительно не обрадовал бы. – Эта маленькая мерзавка вцепилась в меня, словно клещ, и начала тянуть соки.

Тут Дейзи решил углубиться в детали, излагая их при этом по памяти и не сверяясь с записями. За неделю до Рождества девушка, изображавшая его дочь, начала вымогать у него деньги, потребовав для начала тысячу баксов вдобавок к тем ста долларам, что получала еженедельно за свои услуги. С тех пор она успела получить:

- в конце января – 1500 долларов;
- в середине февраля – 1000 долларов;
- в конце апреля – 5000 долларов;
- в начале июня – 3000 долларов;
- в конце июля – 5000 долларов;
- в конце августа – 8000 долларов.

– Занятная динамика, – протянул я. – Сначала она сбавляет сумму, потом увеличивает, затем снова сбавляет и вновь увеличивает. Интересно с психологической точки зрения.

– Тебя это забавляет?

– Я сказал, что это занятно, а не забавно. Кстати говоря, не так уж много людей – причем я не утверждаю, что не отношусь к их числу, – так вот, не так уж много людей поверит в вашу историю. Девчонка кинула вас почти на двадцать пять штук. Как так получилось, что ей удалось избежать несчастного случая? Например, она могла спокойно оказаться на пути летящих с огромной скоростью кусочков металла.

– Слухи, – произнес Перрит таким тоном, словно разочаровался во мне. – Люди распускают обо мне всякие вздорные сплетни, а потом сами же в них и верят. Делают из мухи слона...

– Да ладно вам, – осклабился я. – Давайте начистоту, между нами. Почему вы от нее не избавились? Не хотели марать руки сами, поручили бы дело кому-нибудь другому.

– Избавиться от дочери? От родной дочери?

– Какая же она вам родная?

– Все считают ее таковой. Мне пришлось бы заняться этим самому. Но даже в этом случае дело было бы очень рискованным. Она все рассчитала. Что случится, если она вдруг исчезнет? Что подумают Микер Большие Пальцы и остальные? Я вернусь на исходные позиции, а мои враги снова начнут рыскать в поисках моей дочери. Не думай, я давно уже голову ломаю. И так ситуацию поверну, и этак. Все равно не вижу выхода, хоть тресни.

– Тогда вам и дальше придется содержать подставную дочь. И это обойдется вам очень-очень дорого.

– Я больше не намерен платить этой ненасытной твари. Вчера вечером она потребовала от меня пятьдесят штук. Все. Точка. Мне нужна помощь.

– Да, – присвистнул я, – одной психологией тут дело не объяснишь. Хорошо, допускаю, что ее устранить нельзя. А менее радикальные способы не действуют? Вы не хотите попробовать уговоры? Может, она умерит свои аппетиты?

– Думаешь, я не пытался? Думаешь, я каждый раз с радостной улыбкой лез в кошелек?

– Нет, не думаю.

– Правильно делаешь. Пойми простую вещь. Она моя дочь, и в силу этого у меня связаны руки. Я лично знаю много людей, а информации у меня вообще на целую кучу народа. Думаю, одних адвокатов у меня человек сорок-пятьдесят. Но ни одному из них я бы не доверил и толики того, что рассказал тебе. Я выбрал Ниро Вулфа из-за того, что у него есть мозги. Хотя бы судя по тому, что я о нем знаю. Может, они меня выручат. Лично мои мозги в данной ситуации спасовали. Что делать с этой тварью – решать ему. – Перрит ткнул пальцем в пачку банкнот. – Это только аванс. Плачу я щедро, особенно когда дело стоящее. А нынешнее дело именно стоящее.

– Он не возьмет денег.

Дейзи пропустил мои слова мимо ушей. Я начал подозревать, что в этом и заключался секрет его успеха. Перрит просто игнорировал то, что не желал слушать.

– Если вы решите взяться за дело, вам понадобятся дополнительные сведения о ней, – продолжил он. – Рассказанного мной пока недостаточно для того, чтобы обуздать ее. Слушай дальше. Поскольку, по легенде, она приходится мне дочерью, то ее зовут Вайолет Перрит. Настоящее ее имя – Анджелина Мерфи. Не важно, где я отыскал ее, но к ней не подкопаешься. Ей светил срок в Солт-Лейк-Сити, где она проживала под именем Салли Смит. Я лично приехал туда за ней и вывез ее в Нью-Йорк. Спас от позора. Помнишь, я сказал, что у меня в какой-то момент перестала работать башка? Вот тебе конкретный пример. Мне тогда казалось, что я смогу держать ее на коротком поводке. Заартачится – отправлю обратно в Солт-Лейк-Сити. Полиция ее примет с распростертыми объятиями. Впрочем, она достаточно быстро поняла, что мне от нее так просто не избавиться.

Перрит поведал еще много такого, чего я не желал знать. Однако отступить было уже поздно. Снявши голову, по волосам не плачут. Покончив с рассказом о Вайолет – Анджелине Мерфи, он решил сменить тему и переключился на Колумбийский университет. Его настоящую дочь звали Бьюла Пейдж. Когда Перрит заговорил о ней, у него так изменился голос, что я на полном серьезе подумал: еще немного – и он достанет из кармана бумажник, начнет показывать ее фотографии. Однако до этого дело не дошло. Его послушать, так остальные студенты были просто жалкими олухами по сравнению с его девочкой и не годились ей даже в подметки. Дейзи сообщил кучу совершенно ненужных, на мой взгляд, подробностей, но его вполне можно было понять. Кому еще на всем белом свете он мог рассказать о своей дочке? Только Ниро Вулфу. Да вот беда: Вулф возился со своими орхидеями, и потому слушать все это приходилось мне. Понятное дело, за это мне платили деньги. Тем не менее я решил, если так и дальше пойдет, требовать прибавки, причем значительной. Впрочем, если все закончится так, как я опасался, тут никаких денег не хватит.

– Как я уже сказал Вулфу, – начал Перрит, – есть у меня для него и другая работенка. Она тоже связана с моей дочерью. Имеется еще одна опасность. Есть вероятность, что Бьюлу может выдать сходство с матерью.

– Боже всемогущий! – возвел я очи горе. – Ну здесь-то чем мистер Вулф может вам помочь? Он что, пластический хирург?

– Считаешь, будто смешно пошутил? – поинтересовался Перрит.

Вопрос мог показаться вполне себе невинным, но задан он был таким тоном, что у меня впервые за все время разговора пробежал по спине холодок. Быть может, теперь, став одним из королей преступного мира, Перрит говорил таким тоном куда реже, чем его подчиненные. Я услышал голос убийцы. Похоже, Дейзи был готов спустить мне многое, но о Бьюле, как я понял, лучше не шутить.

– Пожалуй, не очень, – вежливо ответил я. – Надеюсь, в следующий раз получится лучше. Но если вы рассчитываете, что мистер Вулф способен что-то поделать с фамильным сходством...

– Я на это не рассчитываю. Ты слишком много болтаешь. Она действительно похожа на мать, но дело не только в этом. Иногда Бьюла сидит ссутулившись, чуть подавшись вперед, а потом – раз! – резко распрямляет спину. В точности как ее мать. Когда год назад я впервые увидел, что Бьюла так делает, я сразу понял: жди беды. Если человек, знавший ее мать, увидит, как моя дочь распрямляет спину, то сразу обо всем догадается. Я пытался отучить Бьюлу от этой привычки, но что я мог сделать? По легенде, я всего-навсего поверенный ее отца, поэтому опасался проявлять чрезмерную настойчивость. Я хочу, чтобы Вулф отучил ее распрямлять спину подобным образом.

Мало того что мне захотелось возразить – у меня на языке крутились три-четыре остроты. Однако я счел за лучшее взять себя в руки. Оставалась одна-единственная надежда: Дейзи вот-

вот закруглится и наконец уйдет, не успев попросить Вулфа натаскать Бьюлу по математике – единственному предмету, в котором она пока не достигла совершенства. Однако и спустя час Перрит все еще не желал уходить. Он хотел поделиться со мной дополнительными и очень полезными, с его точки зрения, сведениями об Анджелине – Вайолет – Салли и объяснить, как лучше свести знакомство с его дочерью. При этом Дейзи беспрестанно повторял, что дело срочное и за него нужно взяться немедленно. Насколько я понял, еще один секрет его успеха заключался в скрупулезности и внимании к деталям.

Наконец он встал, собираясь уйти.

– Вайолет, – произнес он, – по-прежнему делает то, что я скажу ей. Считает, что так ей будет проще обчистить меня до нитки. Ты сказал, что Вулф – домосед. Если понадобится ее допросить, позвони мне. Я позабочусь о том, чтобы она приехала. Телефонные номера ты уже записал.

Тон, которым была сказана последняя фраза, заставил меня поспешно подтвердить:

– Вы сами видели, как я убрал бумагу с ними в сейф.

– Там ее и держи. Теперь выйди на улицу, открой дверь и позови Арчи.

– Кого позвать? – уставился я на него.

– Арчи. Ты что, глухой?

Прекрасное завершение чудесного дня! Забальзамированного охранника, оказывается, зовут Арчи. Я отвел Перрита в прихожую, протянул ему пальто и шляпу, после чего, приоткрыв дверь, высунул голову на улицу, осмотрелся по сторонам и, повернувшись к гостю, сказал:

– Никого нет. Позовите охранника сами.

Делать этого не пришлось. Мой тезка, стоявший на страже у черного седана, услышал звук открывшейся двери, подошел к крыльцу, поднял на босса взгляд и произнес:

– Все нормально.

Дейзи Перрит сошел по лестнице и устроился на заднем сиденье машины, после чего седан укатил прочь.

Я отправился на кухню и налил себе стакан молока. Фриц Бреннер, совмещавший обязанности камердинера и повара, как раз резал чеснок, измельчая его до атомов.

– Ça va?¹ – улыбнулся он мне.

– Лучше не придумай, – ответил я, сделав глоток молока. – Осталось только подобрать цвет саванов, в которых нас будут хоронить.

¹ Как дела? (фр.)

Глава 4

После того как в шесть часов вечера Вулф спустился в кабинет из оранжереи, я все подробно и без утайки ему рассказал. К чему мне было что-то скрывать? В предосторожностях уже не осталось никакого смысла. Теперь у меня не было ни малейшего желания отговаривать его от этого дела. Ситуация в корне изменилась. Сейчас я даже боялся, что он ответит Дейзи Перриту отказом. Мой испуг был вполне понятен: уж слишком много я знал о секретах Дейзи. Нежелание ему помочь даже под самым благовидным предлогом ничем хорошим для меня бы не закончилось. Положа руку на сердце, должен признаться, что я был до смерти напуган. Теперь я изо всех сил пытался уговорить Вулфа разобраться с делом Перрита.

– Кстати сказать, – сообщил я Вулфу около семи часов, – я позвонил по телефону, который оставил наш гость. У них есть все, что душе угодно. Антрекоты. Бифштексы в два пальца толщиной, которые Фриц называет «филе шатобриан». Свежая свиная вырезка. Свиная печень. Они примут заказ утром. Естественно, только в том случае, если мы останемся с Дейзи в хороших отношениях. Кстати сказать, его пять штук по-прежнему лежат у нас в сейфе.

– Соедини меня с мистером Перритом, – буркнул Вулф.

Тут начались сложности. По третьему телефонному номеру мне удалось дозвониться до Дейзи. И он сказал, что сегодня к девяти вечера к Вулфу подъедет Вайолет. Весь разговор, в котором ни разу не прозвучало ни одного имени, ограничился парой десятков слов, тщательно подобранных обоими собеседниками. Даже если нас кто-нибудь и подслушивал, Перриту ничего не грозило. Через десять минут Дейзи перезвонил и сказал, что в наши планы придется внести изменения и что гостью следует ждать не раньше половины двенадцатого. Тут я возразил, что это поздновато, и поинтересовался, нельзя ли перенести встречу на завтра. Перрит заявил, что нельзя, визит состоится сегодня, между половиной двенадцатого и полуночью.

Вулф, сидевший за столом и слушавший разговор, недовольно проворчал:

– Займись дочерью.

– Вайолет или Бьюлой?

– Дочерью. Мисс Пейдж.

– На черта это сейчас нужно? Хотите поскорее отучить ее сутулиться? Куда торопиться...

– Мы даже не можем быть уверены, что у него на самом деле есть дочь. Мы знаем о ней только со слов мистера Перрита. Я желаю ее видеть. Или как минимум я желаю, чтобы ее увидел ты.

– Собираетесь представить меня ей?

– Пф! – фыркнул Вулф. – Ей двадцать один год. Соври ей что-нибудь.

На самом деле эта задачка не показалась мне такой уж сложной. Особенно по сравнению с делом, порученным нам Дейзи Перритом. Я сверился со списком телефонов, набрал нужный номер и после третьего гудка услышал в трубке голос:

– Алло! Алло! Алло! – произнес голос, явно не принадлежащий члену привилегированного студенческого общества «Фи Бета Каппа», но я решил не торопиться с выводами.

– Вы не могли бы пригласить к телефону мисс Бьюлу Пейдж?

– Это я. Вы священник?

– Нет, мисс Пейдж, не совсем. Моя фамилия Стивенс, Харолд Стивенс из Дейтона, штат Огайо. Вы не могли бы уделить мне немного времени?

– Да, разумеется. Жалко, конечно, что вы не священник.

– Если он вам сейчас нужен, тогда мне остается лишь сожалеть об этом вместе с вами.

Звоню я вам вот по какому поводу. Я был бы очень признателен, если бы вы нашли возможность встретиться со мной. Желательно сегодня вечером. Я приехал в Нью-Йорк ненадолго. Хотелось бы поговорить с вами о городском медицинском центре Дейтона... Честно сказать,

мы надеялись, что вы поможете нам, сделав небольшое пожертвование. Понимаете, слава о вашей щедрости гремит на всю округу. Вы помогаете клиникам и больницам. Я как раз хотел рассказать вам о нашей деятельности и дальнейших планах. Обещаю, что не отниму у вас много времени. Быть может, вы позволите подъехать к вам прямо сейчас? Я доберусь до вас за двадцать минут.

– Я не... – (Повисла пауза.) – Меня действительно интересует работа клиник и больниц.

– Я знаю, – с теплотой в голосе произнес я.

– Знаете, почему я поинтересовалась, не священник ли вы? Дело в том, что я собираюсь замуж. Не поверите, как только мы решили пожениться, сразу же зазвонил телефон.

– Ну что ж, это просто прекрасно! Я могу добраться до вас за двадцать минут. Конечно, не хотелось бы вам мешать, но я скоро уезжаю и...

– Вам не о чем беспокоиться. Я вас жду. Бросьте ваши церемонии и приезжайте.

– Прекрасно. Она готова со мной встретиться, – сказал я Вулфу, повесив трубку.

Вулф лишь что-то невнятно пробурчал в ответ. Он был занят – наливал в бокал пиво, которое ему принес Фриц. Я взял со стола пистолет и положил его в карман, после чего достал из ящика стола его братца, размером поменьше, и сунул в кобуру под мышкой. Даже эта картина не заставила Вулфа нарушить молчание.

Нельзя сказать, что, выйдя на улицу навстречу сгущавшимся октябрьским сумеркам, я ожидал попасть в засаду и погибнуть. Я успокаивал себя мыслью, что, после того как я стал объектом пристального интереса Дейзи Перрита, ничего не изменилось: люди и улицы остались теми же, что были и раньше. Однако, сколько я себе это ни внушал, окружающий мир теперь представлялся мне совершенно иным, чем прежде. Завернув за угол, я зашел в гараж, сел в «родстер» и поехал к дочери Дейзи.

Глава 5

В каком-то смысле по вине Перрита у меня сложилось превратное впечатление о его дочери. С его слов мне казалось, что все деньги, которые Бьюла получает от отца, она тратит либо на учебники, либо на пожертвования больницам. Однако стоило мне зайти в ее квартиру на Сто двенадцатой улице, как я сразу понял: мебель девушка покупала, мягко говоря, не на сдачу от учебников. Большая комната, в которой я так и не увидел кровати, из чего заключил, что она просто отсутствует, была роскошно обставлена и полностью соответствовала всем моим представлениям о комфорте. В глаза сразу бросался большой массивный письменный стол, расположенный между двумя окнами. Книг тоже нигде не было видно.

Во всем остальном Перрит оказался прав. Побеседовав с Бьюлой по телефону, я заподозрил, что Перрит, как и многие отцы, слеп и не желает замечать очевидного, когда заходит речь об их отпрысках. Но одного взгляда на дочь Дейзи оказалось достаточно, чтобы все расставить по местам. Ослепительной красотой она не блистала. Я не был ее отцом и потому не мог не отметить, что Бьюла небольшого роста и пухленькая. Однако в целом все, что нужно девушке в двадцать один год, у нее имелось. В том числе личико с правильными чертами и большие серые глаза, которые она явно унаследовала не от Дейзи.

Поскольку она сказала по телефону, что только что решила выйти замуж, я вполне естественно рассчитывал застать у нее счастливицу, готовую связать с ней свою судьбу. Предчувствие меня не обмануло.

– Знакомьтесь, это мистер Шейн, – сказала Бьюла и подошла, чтобы пожать руку. – Хорошо, что вы приехали, а то он меня уже всю изругал. Считает, я была слишком слезливо-навязчивой, когда говорила вам о священнике. Может, оно и так, но он сам виноват. Нечего было меня спаивать.

– Погоди-ка, погоди-ка, – возразил Шейн, сперва улыбнувшись мне, а потом ей, – давай разберемся. Кто готовил коктейли?

– Я, – призналась она.

Неожиданно, будто бы невзначай, парень и девушка оказались рядом и слегка касались друг друга. Я даже не заметил, как это произошло. Видимо, они находились на той стадии отношений, когда двух людей естественным образом притягивает друг к другу.

– Разве девушка не имеет права приготовить коктейль в честь своей помолвки? – спросила меня Бьюла. – Кстати, у нас немного осталось. Не желаете выпить? – Она подошла к столу и взяла шейкер. – Я принесу вам стакан.

– У меня есть идея получше, – прервал я ее. – Мне очень жаль, что я побеспокоил вас в такой час. Сейчас время обеда, а у вас еще и праздник, и тут я со своими делами. Давайте я в каком-то смысле помогу вам отметить радостное событие! Как насчет обеда в честь помолвки? – Я улыбнулся парочке самой очаровательной из своих улыбок. – Сейчас отели забиты битком, так что я остановился у приятеля, который живет на Тридцать пятой улице. По удивительно удачному стечению обстоятельств он, с одной стороны, человек известный, а с другой – очень радушный и гостеприимный. Давайте я позвоню ему и скажу, что мы сейчас приедем. Договорились?

Парочка переглянулась.

– Но как же так? – замаялся Шейн. – Мы же его совсем не знаем. Да и вас тоже.

– И чем же он так известен? – спросила Бьюла. – Кто он?

– Его зовут Ниро Вулф. Он частный детектив. Мы знакомы с ним уже много лет. Однажды он спас мне жизнь. Меня обвинили в убийстве, но я был невиновен, и он это доказал.

– Ух ты! Мортон, давай поедem! Ну пожалуйста! – воскликнула Бьюла, вцепившись обеими руками в руку своего нареченного. – Я хочу пообедать с Ниро Вулфом! Считай, что это

первая просьба твоей невесты. В первой просьбе не отказывают! – Она повернулась ко мне. – Ну что же вы молчите? Помогите мне его уговорить! У него раздутое чувство собственности. В этом году он оканчивает юридическую школу и считает, что юристы должны стоять на страже буквально всего, вплоть до социальных условностей, моральных устоев и добродетелей.

– Не добродетелей, а добра и справедливости, – твердо сказал Шейн.

Похоже, Бьюла была права. Ее суженый напоминал бастион. Ростом он был примерно с меня и обладал твердым подбородком и темными глазами, пристально смотревшими из-за стекол очков в толстой черной оправе. Шейн заявил, что собирался домой, потому что ему нужно готовиться к сложной проверочной работе. На это Бьюла возразила, продолжая держать возлюбленного за руку, что сегодня особенный день, день их помолвки, и потому учебники могут подождать. Закончилось все вполне ожидаемо, и я, удовлетворенно вздохнув, попросил разрешения воспользоваться телефоном.

– Резиденция мистера Вулфа, – услышал я из трубки голос Фрица.

– Привет, Фриц, это я, Харолд Стивенс. Нет-нет, Харолд Стивенс, гость мистера Вулфа. Можно попросить его к телефону?

Глава 6

Когда мы уже сидели за обеденным столом, а Фриц подал курицу на вертеле с жареным сладким картофелем, я впервые своими глазами увидел, как Бьюла, которая сидела ссутулившись, вдруг резко выпрямила спину. Именно от этой привычки нам и предстояло ее избавить. Нельзя сказать, что это движение так уж сильно бросалось в глаза, однако Дейзи Перрит придавал ему огромное значение. Учитывая, что Бьюла только что обручилась, отучить ее от этой привычки будет не так уж и просто. Сложно внушить девушке, заполучившей пару часов назад жениха, что в ней есть нечто далекое от совершенства.

Ее избранник, на мой взгляд, был изрядным занудой и страшно меня раздражал. Такое впечатление, будто он решил, что уже женат, и брак теперь казался ему тяжким бременем. Да, на обед зажарили не мясо, а птицу, но курица была прекрасно приготовлена, Фриц обслуживал нас отменно, а Ниро Вулф приказал подать лучшее вино из своего погреба. Несмотря на все наши усилия, Шейн вел себя очень скованно. Вполне допускаю, что в университете студентов-юристов нагружают по полной программе и не дают им продохнуть, но, боже мой, ведь ты же сейчас празднуешь помолвку с любимой девушкой! Расслабься, наконец!

Я изо всех сил старался веселить наших гостей и с беззаботным видом болтал на всякие отвлеченные темы. Я опасался, что, если начнется серьезный разговор, Бьюла станет во всех подробностях расспрашивать о городском медицинском центре Дейтона и наших планах его развития, используя при этом профессиональный жаргон, и тогда я со всего маха сяду в лужу, поскольку не пойму ни слова.

К моему удивлению, Вулф пришел мне на помощь. Взяв инициативу в свои руки, он принялся задавать Бьюле разные вопросы о предметах, которые она изучает, и сам с охотой рассказывал о делах, которые ему доводилось расследовать. Более того, Вулф даже попытался расшевелить Шейна. По-отечески несколько раз назвав его Мортонем, он спросил о его взглядах и целях в жизни.

– Честно говоря, – признался Мортон, когда Фриц расставлял на столе тарелки с салатами, – я разбираюсь только в юриспруденции, а обо всем остальном не имею ни малейшего представления. В этом и заключается главный минус специального образования. Ты полный ноль во всем, что выходит за пределы твоей области. Конечно же, это весьма печально.

– Разумеется, – кивнул Вулф, потянувшись к блюду с гарниром. – Однако куда большее сожаление вызывает безграмотность и невежество в той области, где ты должен быть профессионалом. Надеюсь, Мортон, вы знаете, что юристов мало кто любит, и готовы с этим жить. Лично я юристов не жалую. Они верткие, как угри, и считают, что всякое дело без исключения представляет собой медаль о двух сторонах, а это, простите меня, вздор. А какие они пустомели! Как-то я попросил одного юриста составить мне простой договор о передаче прав собственности, так он растянул его аж на одиннадцать страниц! Вполне хватило бы и двух! Вас вообще учат составлять деликты?

Мортон был слишком хорошо воспитан, чтобы обижаться на хозяина дома.

– Конечно, сэр. Это входит в курс обучения. Я никогда не растягиваю соглашение без необходимости.

– Ради бога, пишите покороче. Харолд, хочешь еще гарнира?

Я чуть не пропустил вопрос Вулфа мимо ушей, потому что голова у меня в тот момент была занята совершенно другим. Я как раз думал, что сейчас было бы нелишним связаться с Дейзи Перритом. Нам есть что ему сообщить. Нисколько не сомневаюсь: он даже не подозревает о помолвке собственной дочери. Ведь она состоялась буквально пару часов назад. Если мы расскажем об этом, он, скорее всего, оценит услугу. Я решил ненадолго исчезнуть под благовидным предлогом, как только мы встанем из-за стола. Поднимусь к себе в комнату и

позвоню оттуда Вулфу. Если он даст добро, свяжусь с Перритом по добавочному номеру из своей комнаты.

Моя затея в целом сработала. Однако в любой бочке меда всегда есть ложка дегтя: мне не удалось дозвониться до Перрита. Я позвонил по всем пяти номерам, что он дал, и, следуя его инструкциям, всякий раз представлялся Гудьером. Толку от этого не было никакого. Пять номеров – пять сообщений Перриту с просьбой перезвонить Гудьеру. Посчитав свой долг выполненным, я спустился в кабинет, где наши гости пили с Вулфом кофе.

Вулф и Бьюла распевали песни. Впрочем, то, что делал Вулф, пением можно было назвать только с большой натяжкой, но раньше я и такого за ним не замечал. Пела девушка на незнакомом мне языке. Видимо, исполняла одну из песен, о которых упомянула за обедом. Бьюлу научил им однокурсник из Эквадора. Вулф махал пальцем в такт и мычал. Для него подобное поведение являлось настоящим пьяным загулом.

Мне захотелось сесть и, позабыв о заботах, насладиться захватывающим зрелищем. Увы, я не мог себе этого позволить. Шел одиннадцатый час. По идее, мне уже полагалось везти наших гостей обратно домой, если я, конечно, не хотел пропустить встречу с Вайолет. Вопреки ожиданиям, подставная дочь могла прибыть раньше половины двенадцатого. Поэтому с мыслью об отдыхе пришлось распрощаться.

Выпроводить парочку не составило никакого труда. Мортон и так был готов сорваться в любой момент. Вулф повел себя как настоящий джентльмен, даже встал с кресла, чтобы пожелать доброй ночи. Ни вино, ни песни не возымели на суженого Бьюлы никакого эффекта. Я решил, что Мортону не терпится поскорее вернуться домой и сесть за учебники. Как оказалось, я заблуждался.

Когда мы вышли на улицу и я открыл дверь «родстера», Шейн вдруг положил мне руку на плечо. Не думал, что подобный человек способен на столь интимный жест ранее чем через год знакомства.

– Знаете, Стивенс, вы классный парень! – с чувством сказал он. – Какая замечательная идея – пригласить нас пообедать к своему другу. У меня есть идея не хуже. И думаю, она пришла мне в голову вовсе не потому, что я хлебнул вина. А впрочем, может, именно поэтому. Какая разница! Это чья машина?

– Мистера Вулфа. Он позволяет мне ею пользоваться.

– Но права-то водительские у вас есть?

Чертов юрист!

– Конечно, – ответил я, – они у меня с собой.

– В таком случае, коли уж мы празднуем помолвку, как вам такая идея: вы отвезете нас с Бьюлой в Мэриленд – это всего-то часа четыре по трассе, – и мы там поженимся. – Он повернулся к Бьюле, стоявшей рядом с ним. – Как тебе мое предложение?

– Предложение дурацкое, – сразу же и весьма категорично ответила она.

– Но почему? – искренне удивился он. – Почему?

– Сам подумай. Дурацкое, и все тут. Да, у меня нет отца с матерью, теток, дядьев и двоюродных братьев с сестрами. Однако я не собираюсь под покровом ночи тайком пробираться в Мэриленд. Я хочу настоящую свадьбу с флердоранжем, белым платьем, фатой и морем цветов. Кроме того, мне казалось, ты собирался готовиться к проверочной работе?

– Ну да, мне надо заниматься.

– Быть может, ты опасаясь, что потом, став членом Верховного суда, будешь скомпрометирован ночной поездкой в обществе безродной сироты? Что ж, в этом случае у меня есть идея получше. Езжай-ка домой на метро и готовься к своей проверочной работе. А мы с мистером Стивенсом отправимся куда-нибудь и поболтаем. Или потанцуем. – Она положила ладонь на мою руку. – Простите, мистер Стивенс, я чувствую себя очень виноватой. Мы так

заболтались, что даже не упомянули о вашем медицинском центре. Мы можем одновременно говорить о нем и танцевать?

Поначалу я подумал, что все-таки сяду в лужу, но мне на помощь пришла любовь. Студент-юрист закидал нас петициями, ходатайствами и апелляциями. У меня создалось впечатление, что, если бы Бьюла потребовала признать в законном порядке всех девушек, оставшихся без родителей, прямыми потомками Юлия Цезаря, она добилась бы своего. Кончилось все тем, что мы втроем залезли в «родстер» и двинулись в сторону предместий.

Где-то в районе Семидесятых улиц Бьюла вновь попыталась завести речь о здравоохранении, но я быстро свернул разговор, пообещав прислать ей материалы о злосчастном медицинском центре вместе с его адресом. Если она захочет сделать пожертвование, достаточно будет послать чек. Когда мы доехали до ее дома, в машине вновь воцарилась мирная, спокойная атмосфера. Парочка вышла и пригласила меня подняться к ним и пропустить стаканчик. Я поблагодарил, отказался и, распрощавшись с влюбленными, поехал на запад, в сторону Бродвея.

Когда я вошел в кабинет, Вулф, сидя у каталожного шкафа – один из ящиков был выдвинут, – изучал записи о сроках прорастания семян. Сев за свой стол, я спросил Вулфа:

– Наш клиент не звонил Гудьеру?

– Нет.

– Он рискует пропустить массу интересного. У него почти появился зять. Какой момент он едва не прозевал! Мортон хотел, чтобы я сегодня же ночью отвез их с Бьюлой в Мэриленд, где он намеревался на ней жениться. Она заявила, что хочет свадьбу по всем правилам. Впрочем, увидев меня, она, похоже, вообще расхотела выходить замуж за Мортон. Предложила ему отправиться домой и готовиться к контрольной, а мне – занять его место. Надо поскорее найти выход из сложившейся ситуации. Не могу же я открытым текстом сказать ей, что Дейзи Перрит в роли тестя меня совершенно не устраивает.

– Да ладно тебе. Она слишком коренастая.

– На самом деле все не так уж и плохо. Все, что надо, можно поправить. – Зевнув, я посмотрел на наручные часы: четырнадцать минут двенадцатого. Для проверки я автоматически сверился с часами на стене – привычка, от которой вот уже долгие годы я безуспешно пытался избавиться. Они показывали то же время.

– Жалко, что Перрит не перезвонил, – заметил я. – Если бы мы ему кое-что сказали, быть может, нам удалось бы сохранить себе жизнь. Да, признаю, новость о помолвке Бьюлы сногшибательной не назовешь, но она, по крайней мере, свежая.

– У нас для мистера Перрита есть кое-что получше, – ответил Вулф.

Разобрав в голосе Вулфа самодовольные нотки, я внимательно на него посмотрел:

– Неужели? У нас?

– Да, у нас.

– Пока я отсутствовал, произошло нечто важное?

– Оно произошло, когда ты был здесь. Прямо на твоих глазах. А ты, похоже, опять все пропустил.

Я на дух не переносил, когда Ниро Вулф начинал вести себя подобным образом. В таких случаях я никогда его ни о чем не расспрашивал. Во-первых, не хотел тешить его тщеславие. А во-вторых, знал, что он все равно ничего мне не расскажет. Я счел разговор законченным, повернулся к своему столу, поставил на него пишущую машинку и принялся барабанить по клавишам. Мне нужно было напечатать несколько писем. Когда я трудился над пятым из них, в дверь позвонили.

Вулф задвинул ящик шкафа, встал и направился к единственному креслу, которое по настоящему любил, за его столом.

– Зовите ее Анджелина, – сказал я ему по дороге в прихожую, где собирался встретить нашу гостью. – Это лишит ее душевного равновесия.

Глава 7

Вайолет – Анджелина – Салли сидела нога на ногу в красном кожаном кресле. Вулф, чуть прикрыв веки, смотрел ей прямо в глаза. Девушка, в свою очередь, устала на него и явно не собиралась отводить взгляда. Безмолвная дуэль продолжалась уже не меньше полуминуты. Пока никто из них так и не произнес ни единого слова.

– Что, нравлюсь? – спросила Вайолет и визгливо рассмеялась.

– Знаете, над чем я ломаю голову? – тихим голосом поинтересовался Вулф. – Оставить вам двадцать четыре тысячи пятьсот долларов, которые вы получили от мистера Перрита, или заодно забрать и их? Ну, по крайней мере большую часть этой суммы.

В ответ Вайолет выругалась. Обычно я пытаюсь воспроизводить диалоги в точности так, как они звучали, но на этот раз, пожалуй, сделаю исключение. Вулф поморщился. Он достаточно спокойно реагировал на сквернословие мужчин, но не переносил, когда ругались женщины.

Учитывая внешний вид девушки, бранное слово, сорвавшееся с ее уст, было для нас совершенной неожиданностью. Вайолет несколько не напоминала Бьюлу. У сидевшей перед нами длинноногой особы была стройная фигура, но при этом неприятное лицо. В принципе ее вполне можно было превратить в красавицу, отправив на несколько месяцев на ферму и заставив питаться свежими яйцами и молоком и рано ложиться спать. Однако представлялось совершенно очевидным, что Вайолет на ферме никогда не жила и вряд ли туда поедет.

– Нынешняя ситуация продолжаться дальше не может. – Голос Вулфа сделался твердым и четким. – Положение вещей таково: вы получаете деньги от мистера Перрита, угрожая предать огласке факт существования у него другой, настоящей дочери. Таким образом вам удалось получить только что названную мной сумму. Вы занимаетесь шантажом...

– Я пока молчу, но если вы считаете, что молчание есть знак согласия, значит вы рехнулись, – заявила Вайолет.

Теперь, когда она взяла себя в руки, ее голос стал приятнее и мягче.

– Молчите и дальше. Мне все равно, согласны вы или нет, – сухо ответил Вулф. – Как я уже сказал, вы занимаетесь шантажом, но юридическая сторона вопроса меня совершенно не волнует. Как часто происходит с шантажистами, вы оказались в сложном положении. Реализовав свою угрозу, вы потеряете нынешнюю работу и вместе с ней источник дохода. Кроме того, мистер Перрит, что вполне объяснимо, захочет вам отомстить. И ваше счастье, если все ограничится тюремным сроком в Юте. По всей вероятности, вы уверены, что он собирается платить вам и дальше. Однако, видите ли, какое дело... Сегодня мистер Перрит обратился ко мне за помощью. Он попросил меня положить конец вашему вымогательству. И я взялся за это.

– Я приехала к вам, потому что об этом меня попросил отец, – заявила Вайолет. – Ушам своим поверить не могу! Кто вам наговорил весь этот вздор? Отец? Господи боже, да не может быть, чтобы Дейзи Перрит вдруг начал всех уверять, будто я не его дочь! Зачем вы мне врете?!

– Мисс Мерфи, я вполне допускаю, что вам сложно поверить в происходящее. Это даже естественно. Вы решили, что мистер Перрит, желающий сохранить тайну личности своей дочери, ни при каких обстоятельствах никому не станет рассказывать, что вы подставное лицо. Однако вы просчитались. Вы либо не знали, либо не учли, что у мистера Перрита есть мотив сильнее любви к родной дочери. Я говорю о тщеславии. Более того, его отцовские чувства на самом деле могут быть проявлением все того же тщеславия. Впрочем, речь сейчас совсем не об этом. Он не станет терпеть власть над собой. Для него невыносима сама мысль, что он попал к вам на крючок. – Вулф заерзал, устраиваясь поудобнее. – Увы, мистер Перрит допустил точно такую же ошибку, что и вы. Он просчитался в своих суждениях об одном человеке. Обо мне. Вы потребовали от него пятьдесят тысяч долларов. С этого момента вы, мисс Мерфи,

будете передавать мне девяносто процентов, то есть девять десятых всех сумм, полученных от мистера Перрита свыше определенного вам оклада, составляющего сто долларов в месяц. Иными словами, с каждой сотни долларов, полученной в результате шантажа, вы будете отдавать мне девяносто. В противном случае я позабочусь о том, чтобы вас арестовали власти Солт-Лейк-Сити.

Вайолет уставилась на Вулфа во все глаза. Затем она глубоко вдохнула, сглотнула и, еще немного помолчав, взорвалась:

– Черт побери, да вы набитый дурак?! Думаете, Дейзи вам это спустит? Это не сойдет вам с рук. Я особый случай. А вот с вами, в отличие от меня, он запросто расправится. Да стоит мне только сказать ему, что... – Неожиданно она замолчала и вновь принялась сверлить Вулфа взглядом. Выражение ее глаз изменилось, лицо исказила гримаса. – Боже всемогущий! – с презрением в голосе произнесла Вайолет. – Неужели вы держите меня за набитую дуру? Поверить не могу, что Дейзи считает меня идиоткой. Я буду передавать деньги вам, а вы, в свою очередь, вернете их Дейзи. Он решил от меня дешево отделаться! Какая прелесть! Неужели он подумал, что я на это куплюсь? – Она села прямо, сжала колени и внезапно резко подалась вперед. – Слушайте, вы, меня так просто не запугаешь! Думаете, мне с Дейзи пришлось легко? Думаете, он сразу притащил мне деньги на блюдечке? Как бы не так! Смотрите, сейчас я вам кое-что покажу. – Она принялась разоблачаться. – Сегодня вечером я была в театре. Как вы заметили, на мне платье с длинным рукавом. Сейчас поймете почему.

Справившись с застежками, она принялась извиваться, желая поскорее спустить платье с плеч. Ткань сползла вниз, обнажив розовые бретельки бюстгалтера и руку, которую девушка выставила на обозрение.

– Что вы об этом думаете? – требовательно спросила она.

Что за зрелище открылось нашим глазам! Практически от самого локтя и до плеча кожу покрывали черные и пурпурные синяки. Мне стало интересно, как Дейзи их нанес, и потому я встал и подошел к Вайолет, чтобы рассмотреть ее руку поближе, а девушка любезно протянула ее мне. Осмотр синяков ничего не прояснил. Дейзи мог поработать как пальцами, так и кулаками либо пустить в ход какое-нибудь подручное средство.

– Это еще не все, – добавила Вайолет, и в ее голосе странным образом мешались гордость и печаль. – Дейзи оставил синяки и в других местах. Ради их осмотра вам придется раскошелиться. Сначала я терпела. А потом взяла и сказала: «Слушай, если собираешься меня колотить и дальше, не думай, что это тебе сойдет с рук. И легавым ты меня сдать не сможешь. Ведь я твоя родная дочь! Хотя бы еще раз тронешь меня пальцем – и я выложу про тебя и себя правду всему городу, а потом возьму и смоюсь – ищи ветра в поле». Ну и что вы со мной сделаете? – Она натянула платье на плечи и стала его застегивать. – Дейзи сдался. Он у меня в руках. Я единственная, кому удалось обвести его вокруг пальца и остаться в живых, чтобы потом рассказать об этом другим. А теперь он побежал к вам за помощью! Придумал вшивый план, как вернуть себе большую часть денег! – Судя по тону Вайолет, на компромисс она была не готова.

Вулф поморщился.

– Не торопитесь, мисс Мерфи, – спокойным голосом произнес он. – Вам надо все хорошенько обдумать. Я еще раз хочу заверить вас, что никакого сговора между мной и Дейзи Перритом не существует. Считаете, что я вам лгу, – воля ваша. Допустим, вы на девяносто девять процентов уверены, что я с Дейзи Перритом заодно. Неужели вы решите рискнуть? Ведь существует вероятность в один процент, что я действую по своей воле и веду самостоятельную игру. Когда вы обнаружите, что сейчас я говорю правду, ваша песенка уже будет спета. С моей точки зрения, у вас нет выбора. Вам остается лишь одно: передавать мне большую часть сумм, полученных от мистера Перрита. Ваша судьба и ваша жизнь меня несколько не волнуют. Вы вправе ответить мне отказом, но тогда рано или поздно возмездие настигнет вас, и произойдет это в самый неожиданный для вас момент.

– Черта с два меня найдут! – резко бросила Вайолет.

– Вы напрасно отказываетесь от моего предложения хорошенько все обдумать, – вздохнул Вулф. – Ну посудите сами, куда вы денетесь, если собираетесь и дальше шантажировать мистера Перрита? Кстати, если вы намерены пересказать ему содержание нашей беседы, сразу хочу предупредить: не утруждайтесь. Я предусмотрел подобный вариант развития событий, и мистер Перрит не поверит ни единому вашему слову.

– Ага, ну как же, не поверит! Он же сам придумал весь этот план.

– Ошибаетесь. – Вулф отстранился от стола. – Если бы вы, мисс Мерфи, знали меня лучше, то сразу поверили бы, что это моя идея. Повторю еще раз: план придуман мной, осуществляю его я, и обогатит он меня одного. Вы тоже не останетесь без гроша в кармане, я не собираюсь вас разорять. Мистер Перрит зарабатывает много денег. С каждых сто тысяч долларов, что вы получите от него, вам будет доставаться десять тысяч. – Вулф встал, прошел мимо девушки и, застыв в дверях, повернулся к ней. – И еще одно предупреждение, мисс Мерфи. На случай, если вы вдруг решите исчезнуть с тем, что уже получили. Вполне естественный, ожидаемый порыв. Допускаю, что мистер Перрит по очевидным причинам не станет вас искать. Но я найду вас. В тщеславии я не уступаю мистеру Перриту. Меня не облапошишь! – С этими словами он вышел.

Вайолет даже не повернулась, чтобы проводить его взглядом. Она сидела, уставившись на кресло Вулфа, так, словно он по-прежнему сидел напротив нее. У девушки кривились уголки губ. Может, она перепугалась? Нет, ничего и близко похожего на панику я не наблюдал. Скорее, она пыталась спокойно обдумать положение, в котором оказалась. Наконец она повернулась ко мне и сказала так, словно я не был ее врагом:

– Господи, какой же он все-таки жирный!

– Ты отважная девушка. – Я одобрительно кивнул. – Я искренне тобой восхищаюсь. К счастью, никто не требует от тебя немедленного решения. Поспи, подумай, прикинь все «за» и «против». Как тебе моя идея? Хочешь, я провожу тебя до дому?

Она улыбнулась, и я ухмыльнулся в ответ.

– Ты не похож на подонка, – заметила Вайолет. – Красивый и сложен хорошо.

– На самом деле я мерзавец, просто притворяюсь хорошим, – ответил я и встал. – Подкинуть тебя до дома не предлагаю. Как я заметил, у тебя самой машина есть. Но могу проехаться вместе с тобой за компанию. Заодно свежим воздухом подышу.

Она встала, подошла ко мне, коснулась ладонью лба и запустила пальцы в мою шевелюру, проведя рукой к затылку, будто расчесывая мне волосы.

– Свежий воздух, – сказала она. – Малыш, как же я хочу подышать свежим воздухом!

– Мы его разделим, – заверил я Вайолет. – Девяносто процентов тебе, десять – мне.

Надев в прихожей шляпу и пальто, я вывел девушку на улицу, открыл перед ней дверь ее двухместного автомобиля, после чего, обогнув машину, сам забрался внутрь. На самом деле меня интересовал не свежий воздух и не девичьи ласки. Мне просто хотелось спасти свою шкуру. Я не осуждал Вулфа за то, что он начал столь опасную игру, не предупредив заранее Дейзи Перрита. Я допускал, что план мог прийти Вулфу в голову незадолго до того, как появилась Вайолет, или даже после начала разговора, но это уже не играло никакой роли. Мне представлялось очевидным, что, если сейчас Вайолет помчится в пентхаус и выложит все Дейзи – а она такое может запросто сделать, – предсказать его реакцию будет невозможно. По идее, здравый смысл должен был подсказать Дейзи, что Вулф просто хочет вернуть ему девять десятых из выплаченных денег. Одна беда: Перрит – птица во всех отношениях необычная. Понятие «здравый смысл» к нему не применимо. Вполне возможно, Дейзи считает, что честных людей на свете вообще не существует. Таким образом, я предпочел сесть в машину вместе с Вайолет из соображений безопасности.

Она оказалась первоклассным водителем. Почти наполовину столь же хорошим, как я. Когда она притормозила на красный свет возле Сороковой улицы, я заявил:

– Мисс Мерфи, вы в ловушке.

– Мы вроде бы уже перешли на «ты». – Вайолет потрепала меня по коленке.

Времени было в обрез. До пентхауса на Семьдесят восьмой улице рукой подать. На дворе ночь, пробок нет, езды всего несколько минут, а подниматься с шантажисткой наверх и укладывать ее в постельку в мои планы не входило.

– Как скажешь. Сейчас это не важно. Важно то, что ты в ловушке и тебе из нее не вырваться. Я говорю с тобой откровенно, потому что искренне восхищаюсь тобой и твоими талантами. И потом, я люблю жизнь и пока не хочу с ней расставаться. Будешь и дальше выжимать деньги из Перрита и забирать все себе, не отдавая девяносто процентов Вулфу, тебе кранты. Вулф – гиена, шакал, падальщик. Если же ты согласишься отдавать девяносто процентов Вулфу, Перрит рано или поздно об этом узнает. Тогда огребет по полной программе не только Вулф, на которого мне по большому счету плевать, но и я с ним за компанию. Вот ты говоришь, я красивый и хорошо сложен. Согласен. Поэтому мне особенно хочется сбечь свою шкуру.

– Продолжай, – проворковала она, не отрывая взгляда от дороги. – Пока ты не сказал ничего важного, но у меня от твоего голоса мурашки по коже. Быть может, мне даже не понадобится выпивка.

Мы проехали Пятьдесят первую улицу.

– Можешь считать меня эгоистом. Так оно и есть, – кивнул я. – Сейчас ты в этом убедишься. Слушай мое предложение. У тебя нет ни малейшего шанса вывернуться – ни одного на миллион. Тебя зажал между Дейзи Перритом и Ниро Вулфом, словно между двумя жерновами. Тут и танку не поздоровилось бы, а ты девушка. Большая добыча выскользнула из твоих рук, но ты можешь доказать, что, помимо мужества, у тебя есть и мозги. Вариантов у тебя немного. – Я погладил девушку по коленке. – Во-первых, ты можешь и дальше продолжать шантажировать Перрита и отдавать девяносто процентов Вулфу. Но ты не дура и на это не пойдешь. Зачем так рисковать, если в итоге тебе будут доставаться лишь жалкие крохи? Во-вторых, ты можешь сбежать. Вариант так себе, ведь тебе придется самой зарабатывать на жизнь. Кроме того, ты будешь вынуждена постоянно переезжать с места на место – существенный минус, особенно если любишь Нью-Йорк. Есть и третий вариант, который я тебе предлагаю. Ты говоришь Перриту, что готова пойти на попятную и снова стать его послушной любящей дочерью при условии, если он будет платить тебе в неделю три сотни вместо одной. Если хочешь, я сам ему это передам.

Вайолет пристально на меня посмотрела и снова устремила взгляд на дорогу. Мне почему-то показалось, что мои слова влияют на нее положительно.

– Вулфу ничего не достанется, – твердым голосом сказал я. – Думаю, для него это окажется полнейшей неожиданностью, но об этом можешь не беспокоиться. Я сам с ним поговорю. При желании я умею надавить на человека. Что касается Перрита, то он с легким сердцем согласится на твое предложение. Нищенствовать ты не будешь. Тебя ждут пятнадцать тысяч шестьсот долларов в год, свободных от налогов! Кроме того, насколько я понимаю, Перрит, как и прежде, будет оплачивать все твои расходы на жизнь, в том числе и машину. Только подумай, ты будешь получать на шестьсот долларов больше, чем сенатор Соединенных Штатов! Ты сможешь и дальше жить в Нью-Йорке. Забудешь о Юте, не говоря уже о тюремной камере, станешь гулять с друзьями, спать допоздна, ходить по музеям и картинным галереям... Две сотни в неделю уже неплохо – это в два раза больше, чем получает сантехник, – а тебе будут платить три! Слушай, обычно я жутко не люблю, когда женщины садятся за руль, но ты ведешь очень неплохо. Я сразу понял, что ты отлично управляешься с баранкой. Молодец!

– Я умею поворачивать и сдавать назад, – отозвалась она. – Музеи, картинные галереи... Ты что, юморист?

Мы проскочили перекресток. Машина неслась по Пятой авеню. Мы проехали Шестидесятую улицу.

– В один прекрасный день, – предупредил я, – тебе непременно придется отвести меня в придорожный ресторан в Уэстчестере, который принадлежит Перриту. Ладно, признаю, про картинные галереи я загнул. Забудем о них. Давай о другом. Если ты, пораскинув мозгами, решишь вдруг последовать моему совету, то, ради всего святого, не говори Перриту, что Вулф пытался затеять двойную игру. Если об этом узнает Дейзи, начнется такая свистопляска, что сдавать назад будет поздно.

– Начнется свистопляска? – насмешливо спросила она. – Ты так уверен?

– По-прежнему считаешь, что Перрит и Вулф сговорились, чтобы обмануть тебя? Тогда ты рехнулась. Ты не знаешь Вулфа.

– Я знаю Дейзи Перрита. – Вайолет свернула на восток, на Семьдесят восьмую улицу.

– А Вулфа не знаешь, – с настойчивостью возразил я. – Как думаешь, почему тебе не удалось его раскусить? Дело тут не только в толстом слое жира. При первой же возможности я расскажу тебе, что он на самом деле за человек. Перрит дважды за свою жизнь столкнулся с противником, равным себе. Первый раз это была ты, второй раз – Вулф.

Вайолет остановила машину справа у тротуара возле навеса над входом в многоквартирный дом. Я выскочил и придержал дверь, рассчитывая, что она выйдет, перебравшись через мое сиденье, но вместо этого она предпочла выбраться из автомобиля со своей стороны. Обойдя машину, Вайолет подошла ко мне и положила ладонь мне на руку:

– Припаркуемся здесь. А позже я спущусь и отвезу тебя домой.

Вот уже второй раз за вечер я оказался в неловком положении. Только теперь рядом не было Мортонна, способного прийти мне на помощь. Девушка потянула меня вслед за собой. Я деликатно уперся, одновременно пытаюсь подобрать слова, однако необходимость в них тут же отпала. Какой-то миг – и проблема, что сказать Вайолет, сменилась куда более насущной задачей: как вообще сохранить дар речи, а вместе с ним и жизнь. С Пятой авеню на нашу улицу свернула машина, чей мотор надсадно ревел на второй передаче. Автомобиль сбавил ход, остановившись практически сразу за машиной Вайолет. Обо всем этом я догадался по звукам, поскольку стоял к Пятой авеню спиной. Когда Вайолет вдруг стиснула мою руку и я увидел, как лицо у нее вытянулось, а сама она рванулась влево, я резко развернулся, увлекая спутницу за собой и невольно прикрывая себя ее телом. Прогремели выстрелы. Мужчина, стрелявший в нас из окна машины, вел огонь с расстояния не более двадцати футов.

Думаю, Вайолет сразила первая же пуля. Впрочем, выстрелов было столько, что это не имело ровным счетом никакого значения. Когда девушка повалилась на асфальт, я упал вместе с ней. Она тянула меня вниз, по-прежнему держась за мою руку. И потом, у меня сработали рефлексы. И правильно: стоять столбом на открытом пространстве, когда по тебе стреляют, – идея не из лучших. Действуя на автомате, я перекатился к тротуару, привстал на одно колено и, выхватив из кармана пальто пистолет, прицелился в машину с убийцей, которая, набирая ход, быстро удалялась в сторону Мэдисон-авеню. Я стрелял, пока у меня не закончились патроны. Автомобиль скрылся из виду.

Когда это произошло, я вскочил и повернулся к Вайолет. Она стояла на четвереньках и пыталась подняться. В тот самый момент, когда я бросился к ней, силы оставили ее и она опустилась на мостовую. Встав на колени, я быстро ее осмотрел. Одна из пуль поцарапала ей щеку, но я знал, что в нее угодили и другие.

– Тише, детка, не шевелись, – сказал я ей.

Достаточно быстро Вайолет затихла и лишь широко разевала рот, сипло вдыхая воздух. Она пыталась что-то сказать.

– Шея... – наконец проговорила она, и у нее задрожал подбородок. – Шея! – вскрикнула она и, содрогнувшись, обмякла.

Вскинувшись, я оглянулся по сторонам. Открывались окна, отовсюду доносились голоса. По тротуару со стороны Пятой авеню к нам кто-то бежал. Дверь под навесом открылась, и оттуда ко мне из многоквартирного дома кинулся какой-то мужчина в униформе – то ли швейцар, то ли лифтер. Увидев, что человек, приближающийся со стороны Пятой авеню, одет в полицейскую форму, я вскочил, громко крикнул: «Доктора!» – после чего бросился в парадную. В вестибюле царило безлюдье. Лифт с распахнутой настежь дверью тоже был пуст. Я нашел коммутатор, подключился, нажал кнопку и набрал номер, лихорадочно пытаясь вспомнить, перевел ли звонки на телефон в комнате Вулфа, прежде чем уйти из дому. По идее, именно это я должен был сделать в силу привычки. Так оно и оказалось.

– Ниро Вулф слушает, – раздался наконец в трубке знакомый голос.

– Это Арчи. Я отвез ее домой. Мы стояли на тротуаре возле ее дома на Семьдесят восьмой улице. Проехала машина, из нее по нам стали стрелять. Машина скрылась, Вайолет мертва. Передайте Фрицу...

– Ты не ранен?

– Ранен, но ущерб не физический, а моральный. Этот ублюдок Перрит решил избавиться от нее, а нас использовать втемную. Зачем, в чем суть его плана, мне неизвестно. Можете поломать над этим голову, пока я буду сидеть в участке. Передайте Фрицу...

– Положи трубку! Живо! – раздался голос позади меня.

Глава 8

Настанет ли тот час, когда все люди в мире проникнутся друг к другу любовью и заживут как одна большая дружная семья? Сомнения на этот счет вызывал у меня сам факт существования лейтенанта Роуклиффа из убойного отдела полиции Нью-Йорка. Чувства, которые я к нему испытывал, были невероятно далеки от братской любви.

– Прекрасно! – изрек без десяти три ночи Роуклифф в пыточной Девятнадцатого участка, располагавшегося на Восточной Шестидесят седьмой улице, где лейтенант развернул свой полевой штаб. – Просто прекрасно! – Он никогда не употреблял простецких выражений вроде «о'кей». – Мы тебя посадим – и дело с концом.

Тут Роуклиффу пришлось подождать, поскольку меня охватил приступ зевоты, с которым я никак не мог справиться. Когда же мне это удалось, я располагающе улыбнулся и ответил:

– Вы это повторяете в пятый раз. Признаться, мне ваша идея не нравится. Должен предупредить, что она также не понравится мистеру Вулфу и его адвокату. Впрочем, если никаких других идей у вас нет, давайте остановимся на этой. Продолжайте.

Лейтенант не сказал ни слова, но зловеще на меня посмотрел. Не просто зловеще, а так, как умел смотреть только он, Роуклифф.

– Давайте подведем итог, – предложил я. – Дейзи Перрит обратился к мистеру Вулфу за советом. Даже если бы я знал, о чем у них шел разговор, а мне это, кстати, неизвестно, сведения пришли бы к вам из вторых рук. Таким образом, если желаете знать, чего хотел Дейзи, вам следует обратиться непосредственно к мистеру Вулфу.

– Я уже сказал тебе, – холодно ответил Роуклифф, – что дважды посылал людей к Вулфу, но их даже на порог не пустили. Дверь, как обычно, была заперта. Человек за дверью, должно быть Бреннер, сказал, что Вулф спит и будить его нельзя. Подумать только, какое нахальство и высокомерие!

– Попробуйте проведать его во время завтрака, – предложил я. – Часов этак в одиннадцать.

Мне было приятно услышать, что указания, которые я не успел передать Фрицу, не понадобились. Он сам принял все необходимые меры.

– Ясное дело, если я буду сидеть в камере, то впустить вас в дом не смогу. Продолжаем. Итак, без двадцати двенадцать приехала дочь Перрита. Видимо, она хотела получить у мистера Вулфа совет по тому же вопросу, что и ее отец. О чем они беседовали, опять же лучше спросите у Вулфа сами. После окончания разговора я проводил мисс Перрит до дому. Машину вела она. Мы приехали около половины первого. Я как раз посмотрел на наручные часы, а потом на циферблат, установленный на Колумбус-серкл. Они показывали двенадцать двадцать шесть. Мы стояли...

– Я уже слышал, где вы стояли.

– Тогда мне больше нечего добавить. У мужчины в автомобиле поверх лица был повязан платок...

– Откуда ты знаешь, что это был платок?

– Господи боже, опять двадцать пять! Хорошо, не платок, а какая-то белая тряпка, которую он, может, отрезал от рубашки. Важно другое: я не смогу его опознать. Не знаю, кого именно он хотел убить: ее, меня или нас обоих, но признаю, что погибла только она. Номер машины я не запомнил, но это не принципиально. Я не дурак и понимаю, что его свинтили с другого автомобиля в миле отсюда где-нибудь за час до совершения преступления. Вы сказали, что машину обнаружили меньше чем в шести кварталах отсюда, рядом со станцией метро «Восемьдесят шестая улица». Позвольте спросить, я хотя бы раз попал?..

– Где Дейзи Перрит?

– Вы хотите сказать, прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Понятия не имею.

– Он скрывается в доме у Вулфа?

– Боже всемогущий, конечно нет! От одной только мысли об этом у меня мороз по коже и зубы стучат.

– А вчера у тебя зубы не стучали, когда Перрит приехал к Вулфу обстригать свои делишки?

– Слушайте, лейтенант, – мрачно заметил я, – скоро уже начнет светать. Я вам несколько раз подряд повторил, что видел. Знал я одного человека. Он охотился на уток с ружьем, у которого была такая отдача, что после каждого выстрела он плюхался задницей в грязь. И похоже, ему это нравилось. В некоем смысле, лейтенант, вы мне напоминаете того охотника. Вы прекрасно понимаете очевидную вещь: только мистер Вулф сможет рассказать вам, о чем именно он говорил с мистером Перритом и его дочерью. Вы также прекрасно знаете, что об этом я вам поведать не могу. И еще вам прекрасно известно, что, решив меня задержать, вы разозлите мистера Вулфа, в силу чего он не станет вам помогать. Чего вы, в конце концов, хотите: самоутвердиться или раскрыть убийство? Думайте, а я пока вздремну. Мне уже без разницы, где спать. Сейчас я усну где угодно, хоть в этом кресле, хоть на тюремной койке, хоть дома в собственной постели.

– Вон отсюда! – скомандовал Роуклифф. – Давай выметайся!

Он нажал на кнопку, отдал короткий приказ, и минуту спустя я оказался на улице. Я отлично знал, что сыграло ключевую роль в моем освобождении. Дело было не в моих пламенных речах, а в начальнике Роуклиффа, инспекторе Кремере, который рассчитывал на содействие Вулфа и не желал портить с ним отношения.

Так или иначе, пока я шел в сторону метро, безуспешно пытаюсь поймать такси, я думал вовсе не о Роуклиффе, а о Дейзи Перрите. Я едва не выложил полицейским всю подноготную, которая бы им очень помогла, но вовремя себя остановил, поняв, что до встречи с Вулфом лучше не распускать язык. По дороге домой я без толку ломал голову над всякой всячиной. В частности, я размышлял над тем, кто именно стрелял в Вайолет. Не мой ли тезка Арчи?

Чем больше стараний я прилагал, чтобы сложить головоломку, тем большее недоумение охватывало меня. Начнем с того, что Перрит, по всей видимости, решил не откладывать дело в долгий ящик и поспешил убрать Вайолет. Решение в принципе напрашивалось само собой, но зачем было втягивать в дело Вулфа, не говоря уже обо мне? Каким образом он собирался использовать Вулфа в качестве прикрытия – хоть для полиции, хоть для кого-либо еще, – при этом утаив, что Вайолет – подставное лицо? Он ведь вроде бы не собирался ее убивать? Я хотел получить ответы на эти и многие другие вопросы по весьма серьезной причине. Мне в голову пришла одна мысль. Меня нельзя назвать человеком кровожадным. Я убивал людей лишь в силу необходимости, когда у меня не оставалось другого выхода. И потому я решил, что мне надо устранить Дейзи Перрита. Да, во мне все еще было живо воспоминание о том, как Вайолет вцепилась в мою руку, как плевался огнем пистолет в руках убийцы, но дело было совершенно не в этом, а в том, что мы с Вулфом оказались в непростом положении. Выход был только один. Работа частного детектива связана с определенным риском, и мы с готовностью шли на этот риск. Однако впутываться в разборки Перрита и Микера – это уже не риск, это смертный приговор с открытой датой.

Когда я спустился в подземку у вокзала Гранд-Сентрал, меня переполняла уверенность, что я пристрелю Перрита при первой же возможности. Четыре минуты спустя, пересев на другую ветку на станции «Таймс-сквер», я уже полагал, что убийство Перрита может стать самой серьезной ошибкой в моей жизни. Еще через четыре минуты, когда я вышел из метро на Трид-

цать четвертой улице, то думал, что никаких приемлемых вариантов у меня не осталось и я нахожусь в безвыходном положении. В тот самый момент мне больше всего хотелось пристрелить Вулфа, заварившего всю кашу. Это он во всем виноват! Это он открыл окно и проорал мне, чтобы я отвел Перрита в дом. И ради чего? Ради каких-то свиных отбивных!

Свернув с Девятой авеню на Тридцать пятую улицу, я попытался выкинуть из головы тревожащие меня мысли. От сознания того, что скоро я смогу улечься в постель, силы окончательно оставили меня. Возбуждение, вызванное пальбой и двумя часами, которые я провел в полицейском участке в обществе служителей закона, окончательно сошло на нет, и у меня начался отходняк.

Завидев дом и знакомое крыльцо, я принял окончательное решение. Изначально я собирался навеститься к Вулфу в спальню и хорошенько потолковать с ним перед сном. Теперь я подумал, что с разговором можно подождать и до утра. Я поставил ногу на первую ступеньку с чувством глубокого удовлетворения, и вдруг оно растаяло, как утренняя дымка. Виной тому были двое мужчин. Они вышли из-за окутанного мраком угла дома и теперь находились на расстоянии вытянутой руки от меня.

Человек справа оказался моим тезкой Арчи. Мужчина, стоявший слева и чуть позади Арчи, был Дейзи Перрит. В руке у моего тезки виднелся пистолет. Сам Перрит держал руки в карманах пальто. Полицейские не стали забирать у меня оружие, поскольку на него имелось разрешение, однако мой пистолет в кармане пальто был разряжен, а толку от того, что висел у меня в кобуре под мышкой, не было никакого. С тем же успехом он мог лежать в соседнем штате: я не мог его быстро выхватить, потому что наглухо застегнул пальто.

– Я хочу обсудить с тобой события сегодняшней ночи, – заявил Перрит. – Моя машина за углом, на Одиннадцатой авеню. Иди вперед. Мы пойдем за тобой.

– Можем поговорить и здесь, – ответил я. – Мне и прежде часто доводилось беседовать с посетителями на крыльце.

Какой прекрасный шанс пристрелить их обоих! Классический случай самообороны. Впрочем, я решил не торопить события.

– Что вы хотите у меня узнать? – спросил я.

– Шагай вперед, – донесся ответ. На этот раз тон Перрита слегка изменился.

Я оказался в сложном положении. Допустим, я откажусь подчиниться. Неужели они меня пристрелят? Вряд ли, ведь это просто глупо. Если бы они хотели меня убить, то не стали бы со мной заговаривать. А что, если я поднимусь по лестнице и начну открывать дверь ключом? У этого варианта несколько существенных минусов. Во-первых, они могут попытаться меня остановить, начнется ссора, которая перерастет в драку, одно за другое – и дело в итоге все-таки закончится пальбой. Во-вторых, дверь заперта изнутри, и мне потребуется разбудить Фрица, чтобы он ее открыл. В-третьих, если Фриц встанет и отопрет дверь, вполне вероятно, Дейзи Перриту может прийти в голову заглянуть к нам в гости.

Я решил стоять на своем.

– Мне бы хотелось... – начал я и замолчал, услышав звук приближающейся машины.

Я повернул голову в ту сторону, откуда он шел. В свете недавних событий я болезненно реагировал на звуки приближающихся автомобилей. Кроме того, мне подумалось, что это вполне могут быть полицейские. Вдруг Роуклифф решил не ждать до одиннадцати утра и вздумал попробовать еще раз достучаться до Вулфа? Нет, ничего интересного – обычное такси. Они часто ночью проезжают по нашей улице: у водителей конец смены, а у нас тут за углом таксопарк.

– Слушайте, мне бы хотелось поговорить прямо здесь. Вам нечего опасаться. Даже если бы я и задумал худое – а это, конечно же, не так, – у меня в пистолете закончились патроны. Вам не о чем беспокоиться. Я их израсходовал...

Теперь я уже не стал съезживаться или пригибаться, а сразу рухнул ничком на тротуар и покатился прочь, стараясь уйти с линии огня. Помнится, я успел подумать, что главное – не врезаться башкой в каменное крыльцо. На этот раз я вообще не разглядел мужчину, стрелявшего из такси, и потому не знаю, была у него повязка на лице или нет. Меня занимало другое: перекаtywаясь с места на место, я стремился побыстрее скрыться за углом дома. Насколько я помню, на этот раз у меня не возникло и тени желания самому взяться за оружие и вступить в перестрелку. Если я вообще в тот момент мог размышлять, то, скорее всего, решил, что, раз уж убийце в машине захотелось понаделать дырок в Дейзи Перрите и его охраннике, то это исключительно их проблема. Не имел и не имею до сих пор ни малейшего представления о том, что происходило за углом, откуда доносилась пальба, однако последующий осмотр места происшествия однозначно показал: Дейзи Перрит и его охранник пытались отстреливаться.

Наконец треск выстрелов сменился шумом мотора удалявшегося такси. Я высунул голову из-за крыльца и увидел человека, который, распростершись, как и я, лежал на тротуаре. Правда, в отличие от меня, совершенно неподвижно. Я с трудом поднялся на ноги. С другой стороны крыльца лежал еще один человек, дергавшийся в предсмертных судорогах. Увидев, что он все еще держит в руках пистолет, я подскочил и выбил у него оружие. Опустившись на колени, я наскоро осмотрел оба тела и, убедившись, что могу смело поворачиваться к ним спиной, не опасаясь нападения сзади, поднялся на крыльцо и позвонил.

Я воспользовался особым условным сигналом – чередой коротких и длинных звонков, чтобы Фриц понял, кто именно стоит у дверей. Впрочем, необходимости в этом не было. Не успел я оторвать палец от кнопки, как дверь приоткрылась на два дюйма – больше не позволяла цепочка, – и я услышал знакомый голос:

– Арчи?

– Да, Фриц, это я. Впусти меня.

– Тебе нужна помощь?

– Да, помоги мне попасть в дом. Открывай!

Фриц снял цепочку, и я, переступив порог, оказался внутри.

– Ты кого-то убил? – спросил Фриц.

– Арчи! Ну что еще, черт побери, такое?! – проревел Вулф с верхнего этажа.

Судя по его тону, он считал, будто я должен извиниться, что потревожил его сон.

– У вашего крыльца валяются трупы. Среди них, между прочим, мог быть и мой! – злобно проорал я в ответ и отправился в кабинет, чтобы позвонить в Девятнадцатый полицейский участок.

Глава 9

Одним словом, чтобы побеседовать с Вулфом, Роуклиффу не пришлось ждать до одиннадцати утра. Вулф был человеком известным и весьма влиятельным, но кое-чего не мог себе позволить даже он. В частности, он не мог предпочесть разговор со мной общению с представителями закона, когда у него перед домом лежали трупы Дейзи Перрита и его охранника.

Итак, в пять минут пятого утра Ниро Вулф принял Роуклиффа и сопровождавшего его сержанта у себя в спальне. К сожалению, при их беседе я не присутствовал – по просьбе лейтенанта давал показания другим копам, обосновавшимся у нас в кабинете. Впоследствии мне стало известно, что Вулф решил приоткрыть завесу тайны и отделался полуправдой, не оставив полиции ни малейшего шанса разузнать всю подноготную случившегося.

Он сказал, что Перрит жаловался на дочь-шантажистку и хотел, чтобы Вулф придумал способ ее остановить, и он, Вулф, взялся за дело. Затем по распоряжению Перрита к нам приехала сама дочь. Вулф пригрозил ей, что, если она не пойдет на попятную, он сдаст ее полиции Солт-Лейк-Сити, которая давно ее разыскивает. Обо всем остальном он умолчал. Он не сказал, что Вайолет была подставным лицом, и не уточнил, чем она шантажировала «отца». Также он ни словом не обмолвился о Бьюле.

Обо всем этом я узнал позже, а в момент беседы с фараонами не имел ни малейшего представления о том, что именно Вулф собирается рассказать. Таким образом, я решил ограничиться лишь всем известными фактами, что ничуть не добавило мне популярности. Ну и ладно, зато целее буду.

В результате переговоров некоторому числу блюстителей закона и порядка было дозволено приходить в дом для бесед с Вулфом и мной при условии, что никакого временного штаба они здесь разворачивать не станут. В итоге весь шум и кутерьма с ярким светом и вспышками камер остались за порогом дома.

Меня два раза выводили на улицу: сначала для того, чтобы я дал показания на месте преступления, а затем намереваясь поймать на противоречиях. Однако никаких попыток снова увезти меня в участок на этот раз не предпринималось. Судя по поведению полицейских, я почти что внушал им жалость. Увы, у меня было слишком мало времени, чтобы обдумать свое положение и с ужасом осознать, что у них имеются все основания мне сочувствовать.

Казалось, время тянется бесконечно, но, когда забрезжил рассвет и лучи восходящего солнца осветили рабочий стол Вулфа в кабинете, полицейские наконец убрались. Даже Роуклифф с сержантом покинули комнату Вулфа.

Как только в доме не осталось ни одного чужака, Фриц тут же занялся завтраком. Я поднялся по лестнице, постучал в дверь спальни босса, получил разрешение войти и с готовностью переступил порог. Вулф, в желтой шелковой пижаме и желтых тапочках с загнутыми носами, как раз выходил из ванной комнаты.

– Ну что ж, – начал я, – молю Бога, чтобы...

Зазвонил телефон. Выходя из кабинета, я всегда переключал связь на комнату Вулфа. Аппарат, стоявший на прикроватном столике, тоже был ярко-желтым. Отвратительный цвет! Я подошел, снял трубку и произнес:

– Кабинет Ниро Вулфа.

– Арчи? Это Сол. Позови босса.

– Сол Пензер, – повернулся я к Вулфу.

Он кивнул и подошел ко мне:

– Хорошо. Ступай в свою комнату и посмотри на себя в зеркало. Тебе надо умыться.

– Если бы вы всю ночь провалялись на тротуаре, уворачиваясь от пуль, вам тоже понатребовалось бы умыться. У вас какие-то конфиденциальные дела с Солом? Вы дали ему задание?

– Конечно. Оно связано с делом мистера Перрита.

– Когда вы успели?

– Я позвонил ему прошлым вечером, когда ты провожал мисс Пейдж домой. Иди умойся.

Я и пошел. Обычно я выражал недовольство, когда Вулф держал меня в неведении относительно своих дел, обращаясь за помощью к другим людям. Но в тот момент я был вымотан. И потом, речь шла о Соле, а это совсем другое дело. Он отличный малый, и в данном случае возмущаться было совершенно нечем.

Взглянув на свое отражение в зеркале ванной комнаты, я понял, что Вулф имел все основания для нареканий. Я умылся, решив побриться позже, после того как позавтракаю, а затем отправился обратно, в комнату Вулфа. Закончив разговор с Солом, он теперь сидел на кровати в нижнем белье и натягивал носки.

– Что вам хотелось бы обсудить? – спросил я.

– Ничего.

– Ничего? – Я возмущенно уставился на него. – Что ж, прекрасно.

– На данный момент обсуждать нечего, – недовольно проворчал Вулф. – Ты вне игры. Я сказал лейтенанту Роуклиффу, что мистера Перрита шантажировала дочь, тот поручил мне положить этому конец, а я пригрозил девушке сдать ее полиции. Все. Точка. Роуклифф – кретин. Пытался намекнуть, что может привлечь меня к уголовной ответственности за шантаж дочери. Идиот! Кстати, – Вулф выпрямился, – как ты думаешь, раз мистер Перрит убит, имеет ли смысл звонить по тому телефону, что он дал, насчет мяса?

– Я вне игры, – повторил я сквозь зубы его реплику и отправился на кухню завтракать.

Вне игры! И он еще называет Роуклиффа кретином! Сам-то чем лучше? Я был так возмущен, что проглотил первые три блинчика, не замечая их вкуса.

Четыре раза мне пришлось прерывать завтрак из-за телефонных звонков. Я был к этому готов. Понятное дело, теперь нас не оставят в покое и будут донимать весь день. Из четырех звонивших внимания Вулфа заслуживал только один. Меня это вполне устраивало. Сейчас мне хотелось видеть его как можно реже. Когда он покончил с завтраком и отправился в оранжерею, я позвонил ему по внутреннему телефону.

– С вами пытался связаться человек, представившийся Л. А. Шварцем, адвокатом Дейзи Перрита, – известил я. – Он хочет немедленно вас видеть. Я сказал, чтобы он пришел в одиннадцать, и записал его номер. Если вы считаете, что он тоже вне игры, я могу ему перезвонить и отменить встречу.

– Одиннадцать утра... Это вполне меня устроит, – произнес Вулф. – Ты спрашивал насчет мяса? Мистер Перрит говорил, что надо обращаться к ним между семью и десятью.

– Нет, не спрашивал, – ответил я и повесил трубку.

Следующие два часа я главным образом мужественно сражался со сном и наверняка проиграл бы битву, если бы не телефонные звонки. За долгие годы я привык к общению с журналистами. Оно требовало особых навыков. На какие только ухищрения они не шли! Вот вам пример. Среди прочих звонивших был мужчина с голосом столь хриплым, что меня так и подмывало попросить его прочистить горло. Этот мужчина представился другом Дейзи Перрита и, сказав, что хочет задать мне пару вопросов, осведомился, может ли он повидаться со мной сегодня днем в клубе «Севен-Элевен». Я ответил, что пока у меня полно дел, но, если он представится и оставит свой номер, я перезвоню попозже и скажу, смогу ли встретиться с ним. На это он заявил, что весь день проведет в разъездах, и, попросив не беспокоиться, пообещал перезвонить сам. На прощание он сказал: «Жалко, что прошлой ночью у вас было мало дел. Иначе вы остались бы в доме» – и с этими словами повесил трубку.

Незадолго до одиннадцати позвонил Сол Пензер. Я соединил его с Вулфом, и тот сказал, чтобы я не слушал. Это было совершенно лишним: я и не собирался. Ведь я был вне игры. Прежде чем они закончили разговор, раздался очередной звонок в дверь, пожалуй, уже

десятый по счету с того момента, как уехали полицейские. Однако на этот раз на пороге оказался не очередной непрошенный гость, а посетитель, которому было назначено. Я впустил Л. А. Шварца, сказав ему, что Вулф скоро появится, после чего провел его в кабинет, где и усадил в кресло.

Ни за что бы не поверил, что передо мной адвокат Дейзи Перрита. Во-первых, вместо очков он носил старомодные пенсне, но дело было не только в этом. Шварц оказался пожилым худым мужчиной около шестидесяти лет, на удивление молчаливым. Сперва я решил еще чуть-чуть побороться со сном, завязав непринужденную беседу, однако мне не удалось вытянуть из адвоката больше десяти слов. Он сидел, держа на коленях портфель, и каждые полминуты дергал себя за мочку правого уха. К тому моменту, когда послышался шум лифта, на котором спускался Вулф, я уже успел махнуть на собеседника рукой.

По дороге к письменному столу Вулф остановился, и я, хотя и был вне игры, представил патрона Шварцу. Что ж, этого требовали правила хорошего тона. Затем Вулф прошествовал к своему креслу, опустился в него, поерзал, устраиваясь поудобнее, после чего откинулся на спинку, устремив на посетителя взгляд из-под полуприкрытых век.

– Слушаю вас, сэра, – произнес он.

Шварц заморгал от яркого солнечного света, лившегося в кабинет из окна.

– Хочу сразу же попросить прощения за то, что настоял на скорейшей встрече с вами. Речь идет о деле, не терпящем отлагательств, – произнес адвокат официальным тоном. – Насколько я понял со слов мистера Перрита, прошлым вечером вы не соизволили четко и недвусмысленно изъявить свое согласие, и в связи с этим...

– Позвольте полюбопытствовать, согласие с чем?

– Стать по завещанию его душеприказчиком и, по существу, опекуном его дочери. Вы соглашались на это?

– Какая нелепица! – покачал головой Вулф.

– Именно такого ответа я и опасался, – с печальным видом отозвался Шварц. – Что ж, это осложняет дело. Боюсь, отчасти здесь есть и моя вина: мне пришлось составлять документы в страшной спешке. Тогда возникает вопрос, кому достанутся пятьдесят тысяч долларов, назначенные по завещанию душеприказчику? Вам или иному человеку, которого назначит на роль душеприказчика суд?

Вулф заворчал, широко распахнул глаза и тут же снова чуть смежил веки.

– Мне нужны подробности, – буркнул он.

Глава 10

Шварц расстегнул портфель, открыл его, но так ничего и не достал.

– В прошлом мне несколько раз доводилось оказывать мистеру Перриту кое-какие мелкие услуги юридического характера, – начал он. – Я хорошо разбираюсь в законодательстве, но по складу характера мало подхожу для профессии юриста. Прошлым вечером он пришел ко мне домой – у меня маленькая скромная квартирка на Перри-стрит – и попросил немедленно, прямо в его присутствии составить некоторые бумаги. То, что мистер Перрит пришел ко мне, меня не удивило: мы всегда встречались у меня дома, он ни разу не заходил ко мне в контору. Но вот эта неожиданная срочность... К счастью, у меня дома есть пишущая машинка, хотя она не в лучшем состоянии, поэтому не обращайтесь внимания на помарки. Вы не представляете, насколько сложно составить завещание с передачей дочери прав собственности на имущество, при этом не называя ее имени и вообще не уточняя ее личности. – Адвокат прищурился. – Сразу хочу оговорить, что с передачей собственности проблем не будет. Речь идет о государственных облигациях и счетах в банках – общая сумма чуть больше одного миллиона долларов. Все четко, ясно, никаких сложностей. Все прочее состояние, принадлежавшее мистеру Перриту, включая его прибыли от различных предприятий, перейдет в собственность его компаньонов. Об этом сказано в другом документе. Ваши обязанности душеприказчика ограничиваются лишь наследством, которое должно достаться дочери. В завещании имеются еще два пункта: пятьдесят тысяч долларов необходимо выплатить душеприказчику, а еще пятьдесят – мне. Завещание скрепили своими подписями двое свидетелей – владелец гастронома и молодая девушка, которая работает заведующей абонементным отделом библиотеки. Их обоих я хорошо знаю. Оригинал завещания остался у меня, а копию мистер Перрит забрал себе.

– Дайте взглянуть, – сказал Вулф.

– Секундочку, сэр. – Адвокат снова прищурился. – Позвольте сначала кое-что вам объяснить. Мистер Перрит отписал мне столь крупную сумму вовсе не за то, что я составил упомянутые документы. Пятьдесят тысяч долларов – плата за выполнение поручения, переданного мне на словах. Нигде в бумагах оно не значится. Помимо всего прочего, я составил еще один документ, существующий лишь в одном экземпляре. Никаких копий. Этот документ мистер Перрит положил в конверт вместе с другими бумагами, содержание которых мне неизвестно, и запечатал его сургучом. На меня была возложена обязанность в случае смерти мистера Перрита при первой же возможности вручить этот конверт лично вам в руки, а на словах передать, что вы назначены его душеприказчиком, что, собственно, я уже сделал. Скажем так, я получил сто долларов за составление документов, еще сто за то, что доставлю их вам, и пятьдесят тысяч за то, что не распечатаю конверт и не стану изучать его содержимое. Не понимаю, как можно настолько ошибаться в людях! Я бы сделал свою работу и за одну десятую этой суммы. Удовольствовался бы даже одной пятидесятой. – Наконец он открыл портфель, достал бумаги и положил их на стол Вулфу. – Это завещание, – пояснил он. – Мне придется забрать его с собой для официального утверждения. – Затем он извлек пухлый конверт с красными сургучными печатями и положил его рядом с бумагами. – Вот конверт, – закончил адвокат и, откинувшись в кресле, дернул себя за мочку уха.

Подавшись вперед, Вулф придвинул к себе конверт и бумаги. Сперва он тщательно изучил текст завещания. На это у него ушло достаточно много времени, поскольку читает Вулф всегда очень медленно. Покончив с завещанием, Вулф протянул его мне, а сам, взяв нож для бумаг, вскрыл конверт. Содержимое он передавал мне постранично, предварительно прочитав каждый из листов сам. Похоже, я снова был в игре. Я читаю быстрее, чем Вулф, и потому к концу чтения практически его нагнал.

Завещание действительно составили хитро. Оно не проясняло со всей очевидностью, кому Перрит оставляет свои облигации и банковские счета – Ниро Вулфу или же «своей дочери», имя которой даже не упоминалось. Однако я не юрист, и, похоже, состояние по закону действительно должно было перейти ей. С другой стороны, мне показалось, что в завещании полно лазеек и Вулф, если бы он того захотел, мог попытаться наложить лапу на миллион Перрита. Содержание другого документа, того самого, что Вулф извлек из запечатанного конверта, имело исключительно технический характер. Документ также был составлен Шварцем и представлял собой длинный список облигаций и банковских счетов. Казалось, Перрит подготовил эту бумагу специально, чтобы облегчить задачу Вулфу, если тот вдруг решит прикарманить деньги. По сути дела, Дейзи давал Вулфу карт-бланш на любые действия. Если наш покойный клиент сидел рядом со Шварцем, пока адвокат составлял все эти документы, а потом еще печатал их на машинке, то у полиции теперь имелся ответ на вопрос, где убитый находился непосредственно перед гибелью и чем он там занимался.

Однако Перрит, похоже, не сидел без дела. Он тоже занимался писаниной. Часть бумаг из конверта была результатом его трудов. Письмо Перрита я прочитал в самую последнюю очередь и не торопясь. Оно начиналось следующим образом:

*Перри-стрит, 391
Нью-Йорк
7 октября 1946 года
21:42*

*Мистеру Ниро Вулфу
35-я улица, 909
Нью-Йорк*

*Уважаемый сэръ,
если я в Вас ошибся, значит сейчас я совершаю самый серьезный промах в своей жизни. Однако, полагаю, в ходе сегодняшней встречи я Вас достаточно хорошо изучил и могу на Вас рассчитывать. Не думаю, что в ближайшем будущем мне грозит смерть, и все-таки, если она меня настигнет, моя гибель повлечет за собой достаточно серьезные проблемы. Дело в том, что я хочу, чтобы моей дочери и дальше ничто не угрожало и чтобы она получила то, что принадлежит ей по праву. В этом и заключается определенная сложность...*

Вслед за этим вступлением полторы строчки были вымараны, после чего письмо продолжалось дальше. Оно у меня и сейчас перед глазами. Я мог бы привести его целиком, но зачем вас утомлять? Там ведь целых семь страниц скучного текста. Вкратце содержание письма сводилось к следующему: Вулф получит пятьдесят тысяч долларов, если, не привлекая лишнего внимания, проследит за тем, чтобы Бьюла унаследовала счета и облигации своего папаши. Говорить ли Бьюле правду о ее отце, и если да, то когда и в каком объеме, должен решить сам Вулф. Дейзи сообщал массу подробностей о матери Бьюлы, приводил кучу дат, а содержание последних двух страниц можно было назвать философией. Философией Дейзи Перрита. В конверте обнаружилось еще два листка: свидетельство о браке, выданное в Сент-Луисе 4 сентября 1924 года, и свидетельство о рождении, датированное 26 июля 1925 года.

Я сложил бумаги вместе и сунул их обратно в конверт.

– Положи их в сейф, – распорядился Вулф.

Так я и сделал.

Шварц перестал дергать себя за ухо и заговорил:

– Быть может, вы не испытываете особого желания иметь дело с деньгами, заработанными привычными для мистера Перрита методами. Однако подумайте, какая ответственность ляжет на ваши плечи, если вы лишите девушку... – Он замолчал, поскольку увидел, как Вулф качает пальцем.

– Да будет вам, – произнес Вулф. – Нефтяные и стальные магнаты такие же мерзавцы и стервятники, но при этом вольны распоряжаться награбленным, как им заблагорассудится. Чем мистер Перрит хуже их?

– Так, значит, вы согласны стать душеприказчиком?

– Согласен.

Я ожидал, что адвокат вздохнет с облегчением, но он вместо этого нахмурился:

– В таком случае у меня вопрос. Поскольку дочь мистера Перрита мертва, каким образом вы собираетесь исполнить волю покойного?

– Это, сэр, мое дело. Я не... – Вулф остановился и подмигнул адвокату. – Нет. Так не пойдет. Если мистер Перрит доверился вам, значит он ждал от меня того же. Так вот, его дочь жива. Остальное мистер Перрит поручил моей заботе, что и вам советую сделать.

– Понимаю, – прищурился Шварц. – Надеюсь, вы меня простите, но я хотел бы упомянуть еще одну деталь. Речь идет о моей личной заинтересованности в этом деле. Для меня пятьдесят тысяч долларов весьма внушительная сумма, однако я смогу ее получить лишь в том случае, если ваша миссия увенчается успехом. Насколько я понимаю, ваш помощник, вот этот молодой джентльмен, был свидетелем убийства мисс Перрит, а также гибели мистера Перрита и его спутника. При этом ваш помощник несколько не пострадал. Не уверен, осознаёте ли вы, какие могут пойти слухи и сколь серьезными будут последствия, к которым они могут привести. Особенно много вопросов возникнет, когда это завещание, – он похлопал по портфелю, в который убрал документ, – будет заверено и предано огласке, как того требует закон. Только подумайте, вам вручается миллион долларов и вы при этом никому не подотчетны. Компаньоны мистера Перрита неизбежно начнут задавать вопросы, что, с их точки зрения, будет вполне естественным...

Зазвонил телефон, и я снял трубку. На проводе был тот самый хрипчатый тип, который приглашал меня в клуб «Север-Элевен». Он так и не удосужился прочистить горло. На этот раз ему хотелось поговорить с Вулфом. Прикрыв динамик рукой, я рассказал патрону о предыдущем звонке и передал ему трубку, а сам снял другую, чтобы слушать разговор. Я всегда так делаю, если Вулф меня не предупреждает, что хочет побеседовать один на один.

– Ниро Вулф у телефона, я вас слушаю... Вы не могли бы представиться? Простите, сэр, но с людьми безымянными я предпочитаю не разговаривать и потому прошу вас представиться. Фабиан? Благодарю вас. Подождите секундочку. Вам знакомо имя Фабиан? – повернулся Вулф к Шварцу.

– Да, – нахмурился адвокат, и его пальцы побелели, намертво вцепившись в ручку портфеля.

– Мне оно тоже знакомо, – с напором произнес я.

– Да, мистер Фабиан, чем могу быть полезен? Понимаю. Нет, я никогда не назначаю встреч за пределами своего дома... Нет-нет, что вы, спешу вас заверить, что никого не боюсь... Да, я понимаю, но я крайне редко выхожу из дому... Знаете что? У меня к вам предложение. Может, вы заглянете сегодня ко мне? Скажем, в два часа дня. Отлично... Да, все верно. Адрес у вас есть?.. Превосходно.

Вулф повесил трубку. Я тоже с силой опустил трубку на рычажки, так что телефон жалобно звякнул. Изменившимся голосом Шварц произнес:

– Как раз перед тем, как вам позвонили, я собирался сказать, что компаньоны мистера Перрита – люди серьезные. Иными словами, простите за прямоту, они при первой возможности убьют и вас, и вашего помощника. В связи с этим я хотел оговорить меры предосторожности.

Во-первых, как я уже упомянул, я лично заинтересован в том, чтобы вы довели дело до конца. Наилучшим образом...

– Мистер Фабиан сказал, что хочет кое о чем меня спросить.

– Боже всемогущий! – Шварц позеленел. – Но ведь он самый известный... как вы можете приглашать его... впускать его...

– Если он и в самом деле представляет собой угрозу, – холодно ответил Вулф, – и если он хочет задать мне один из тех вопросов, о которых вы упоминали, единственным безопасным местом для встречи является мой кабинет. Лучше покончить со всем раньше...

Снова зазвонил телефон.

– Офис Ниро Вулфа. Арчи Гудвин слушает, – проговорил я, сняв трубку.

– Вы же сказали, что вас зовут Харолд Стивенс! – возмущенный женский голос прозвучал так громко, что его, возможно, услышал даже Фриц на кухне.

– Подождите. Не вешайте трубку, – отрывисто произнес я и, повернувшись к Вулфу, скучающим тоном пояснил: – Это подружка того студента-юриста. Может проболтать целый час. Не лучше ли мне подняться вверх и поговорить с ней по телефону оттуда?

– Да. С ее делом тоже нужно побыстрее покончить. Она может приходить в любое время. Договорись обо всем.

Лифтом я никогда не пользовался, ну а кроме того, если бежишь, перескакивая через три ступеньки, все равно получается быстрее. Оказавшись в своей комнате, я закрыл за собой дверь и, не тратя времени на то, чтобы поудобнее устроиться в кресле, поспешно сорвал трубку:

– Простите, что заставил вас ждать. Просто у нас гости, и мне пришлось подняться этажом выше. Что за беда с вами приключилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.